

Франсуа Деко
Приданое для Анжелики
Серия «Авантюрный французский роман»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333043
Франсуа Деко. Приданое для Анжелики: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74793-1

Аннотация

В конце восемнадцатого столетия во Франции разразилась революция. Гильотины работали круглые сутки, огромные состояния каждый день переходили из одних рук в другие. Анжелика Бери и Адриан Матье заочно помолвлены предками, но стихийными обстоятельствами были разлучены и потеряны где-то на просторах беснующейся Европы. Ввергнутые в водоворот революционной феерии, молодые ищут друг друга, но судьба всякий раз разводит их. Но все вдруг меняется, когда Анжелика находит в отцовской Библии старый вексель...

Франсуа Деко

Приданое для Анжелики

Когда Анжелика увидела на горизонте берег Испании, их суденышко, шаткое и скрипучее, словно старые качели, начало помаленьку тонуть. По палубе, шлепая босыми ногами, носились матросы. Четверо самых крепких, свирепо дыша, откачивали воду помпой, и шхуна кое-как, но держалась.

Впрочем, Анжелика даже спиной чувствовала, что авральное положение ничуть не мешает команде с аппетитом поесть ее глазами. Если в первые дни ей это нравилось, то теперь, после трех недель плавания, она все время хотела сказать морякам какую-то резкость.

– До Короньи дотянем?

Анжелика обернулась. Отец требовательно – снизу вверх – взирал на высоченного капитана.

– Не беспокойтесь, мсье Амбруз. – Капитан уважительно склонил голову. – Дотянем. Сердце Анжелики счастливо екнуло.

Земля!..

Здесь, на старой торговой шхуне с не по возрасту игривым названием «Нимфа», она совершенно измучилась и от качки, и от солонины, и тем более от беспрестанного мужского внимания. А уж туалет... если называть таким словом висение над морской пучиной, вцепившись одной рукой в черный засаленный поручень, а второй – поддерживая юбки!..

Анжелика содрогнулась от омерзения.

– Па, мы остановимся в Испании? В гостинице?

Отец досадливо поморщился. Ему надо было срочно попасть в Париж.

– Да, доченька, придется.

Анжелика счастливо зажмурилась. Им обещали, что шхуна дойдет от Мартиники до Европы за двенадцать-четырнадцать дней, но сегодня шел уже двадцать первый. Желание нормально помыться и поесть стало почти нестерпимым.

– Анжелика?

Она мечтательно улыбнулась.

– Да, папа.

Отец выглядел смущенным. Его глаза, обычно строго сверкавшие из-под густых бровей, теперь не находили, на чем остановиться.

Снова приступ?

Сердце у него начало болеть давно, а здесь, на шхуне, отец и вовсе расхворался.

– Доченька, я давно должен тебе сказать...

Анжелика насторожилась. Таким отца она еще не видела.

– Ты выходишь замуж.

Известие ошарашило девушку. Услышав нечто подобное дома, на Мартинике, Анжелика устроила бы отцу грандиозный скандал, но здесь, на палубе, в сотнях лье от ближайшего мужчины их круга, она просто растерялась. Понятно, что, пытаясь привести чувства в порядок, Анжелика первым делом вспомнила свой прощальный бал на Мартинике.

В зал, рассчитанный на два-три десятка персон, набилось вдвое больше людей. Мужчины собрались в полном составе. Белых девушек в их части острова было совсем немного, по пальцам посчитать. Теперь одна из них уезжала.

«Боже, за кого?» – недоумевала Анжелика.

Она, в общем, понимала главное. Шансов, что будущий муж ей понравится, почти нет. Интересные юноши редко бывали успешными коммерсантами. У них на Мартинике такие

кавалеры целыми днями рыбачили да купались, а вечерами, прихватив из бродилки неочищенного рома, отправлялись к баракам и на целую ночь покупали расположение какой-нибудь черной девицы. Некогда им было постигать тонкости сахарного производства.

«Нет, он не с Маргиники!» – решила Анжелика.

Для нее на острове пары не было. Зрелые мужчины женаты, а среди молодых так и не нашлось ни единой персоны, достойной доверия Амбруаза Бери.

– Дочка?

Анжелика упрямо поджала губы и уставилась на замершего отца глаза в глаза. Так просто она сдаваться не собиралась.

– Кто он?

Отец с облегчением выдохнул и сказал:

– Адриан Матье.

Анжелика растерянно моргнула.

– Адриан?! Это шутка?

По тому, как мгновенно собрался отец, было видно: нет, все всерьез.

Адриан Матье проснулся лишь к обеду. Слева сладко посапывала Мари, справа, кажется, Софи. Он удовлетворенно потянулся, вскочил, стремительно оделся и бросил заворочавшимся девчонкам по луидору.

Вечеринка удалась!

Адриан и его друзья начали со светской клубной беседы, а потом основательно набрались и поехали «травить медведя». Роль этого самого зверя всякий раз выполнял кто-то новый, кого члены клуба еще не третировали: уличный торговец, жандарм, а то и несколько здоровенных нетрезвых мастеровых. Понятно, что каждый участник развлечения норовил переплюнуть товарищей, а потому степень риска все возрастала.

Адриан удовлетворенно хохотнул, провел рукой по копне светлых волос, выскочил за дверь и резким свистом остановил пустой экипаж. Вчера была его очередь, и он выбрал самую опасную игрушку, какую только можно было представить. Это оказались санкюлоты, идущие с собрания, раскрасневшиеся, возбужденно машущие руками.

– Ты с ума сошел? – заявил Жан-Пьер, сын крупного винодела. – Это же секция Хлебного рынка! Они тебя на клочки порвут!

Адриан рассмеялся и двинулся наперерез толпе. Нет, он вовсе не был так глуп, чтобы пытаться обуздать всю толпу разом.

Молодой человек выбрал своей мишенью жоака и крикнул:

– А ну, стоять! Да-да! Я тебе говорю!

Его мгновенно окружили со всех сторон, но Адриан видел, что главное удалось. Огромный красномордый жоак встал, причем не потому, что послушался разряженного юнца аристократа. Его остановили собственные люди, которые образовали вокруг них плотное кольцо.

– Тебе чего?

Адриан выдержал паузу и выдал весь набор штампованных революционных газетных лозунгов. Он напомнил, что король их предал, Англия и Пруссия ненавидят. В то время как патриоты на фронтах собственными телами закрывают Париж, секция Хлебного рынка льет воду на мельницу контрреволюции.

Жоак побагровел, но было поздно. Он проиграл Адриану так же безнадежно, как муха пауку. Она попадает в его сеть, тужится, рвется на волю, еще полна сил, тем не менее уже обречена. Адриан сыпал простыми рублеными фразами, поминал Дантона и Робеспьера так, словно крестил с ними детей. Дрогнувшим от боли голосом он укорил всю секцию Хлебного рынка в недостатке ненависти к королям и политической трусости. Четверть часа назад

санкюлоты испытывали яростное желание убить мерзавца, а теперь были полностью с ним согласны.

Молодой человек рассмеялся и коснулся длинной ссадины на скуле. Друзья видели, что Адриана заносит. Разумный человек на его месте пожал бы на прощание санкюлотам руки и быстренько, пока те еще не поняли, что над ними смеются, унес ноги. Но Адриану не хватало последнего штриха, символа. Ему захотелось заставить их снять красные колпаки – просто чтоб не позорили коммуну. И митинг превратился в потасовку.

Адриан покачал головой. Из бурлящей толпы его вытаскивали всем клубом. Нет, друзья на него в обиде не были, им нравился риск, но сам Адриан, любящий совершенство во всем, не мог не видеть, что им был допущен промах. Даже остаток ночи в компании двух красавиц так и не устранил нестерпимого послевкусия неудачи.

– Приехали, мсье, – доложил извозчик. – Дом Аристида Матье.

Адриан отогнал воспоминания, кинул ему два ливра, спрыгнул на брусчатку и двинулся к самому известному дому во всей округе, двухэтажному особняку, исполненному в стиле барокко и вызывающе богато изукрашенному. Он взбежал по мраморным ступенькам, удивился, что его не встречает швейцар, толкнул резную дубовую дверь и замер. Повсюду деловито сновали судейские чины, а главное, здесь были приставы!

– Сыно-ок! – Отец заковылял к нему на подгибающихся ногах. – Наконец-то ты приехал!

– Я не понял, папа!.. – Адриан стремительно оглядел неожиданных гостей, машинально выделяя тех, кого более или менее знал. – Объясни, что здесь происходит?

Старик обхватил сына, изо всех сил обнял и склонил голову к его плечу.

«Ого, дело худо!» – понял Адриан.

Обычно отец вел себя куда как сдержанней.

– Мы разорены, сынок...

– Как это? – не понял Адриан.

Отец всхлипнул.

– Наша патриотическая касса!.. Там оказались одни жулики. Они все исчезли!

Адриан недоверчиво улыбнулся. Его отец Аристид Матье был, пожалуй, самый тертый калач из всех, кто когда-либо занимался биржевыми спекуляциями.

– Ты что же, положил всю выручку в одну кассу?! – все еще не веря, поинтересовался он. – Ты сам же меня учил!.. И сколько мы потеряли?

Отец медленно отстранился и сказал:

– Приставы арестовали все.

Адриан окинул взором родные стены. Картины голландских мастеров, персидские ковры, шелковые обои, украшенные рисунками, выполненными с редким изяществом... все, что делало его ровней друзьям, более ему не принадлежало.

«А как же мои карманные деньги?»

Аристид был прижимист, выдавал сыну намного меньше, чем требуется молодому человеку их круга, но это было хоть что-то! По спине юноши прошел озноб.

Святая Дева!

Адриан, никогда не заработавший ни единого су, вдруг ясно осознал, сколь многое решают в его жизни деньги. Без них нет кухарки, лакеев, собственной прачки, наконец!

«И кто мне вечером рубашку погладит?»

Адриан прикусил губу. Появиться в клубе в несвежей рубашке было невыносимо.

Он остановил одного из приставов и осведомился:

– Скажите, мсье, как мне забрать мои личные вещи?

Пристав ядовито улыбнулся и ответил:

– Здесь нет ваших личных вещей, гражданин Адриан Матье. Все арестованное имущество записано на вашего отца Аристида Матье, других бывших собственников не значится. Адриана словно ударили под ребра. У него не было даже свежей рубашки на вечер.

«Только то, что на мне!»

Отец тронул его за локоть.

– Адриан, дворецкий предложил нам поселиться в его комнате.

Молодой человек знал, что их дворецкий снимает жилье где-то неподалеку, но жить в комнате?! В одной?!

– Нам надо лишь немного потерпеть, – подал голос отец. – Я получил письмо от Амбруаза Бери. Он собирался отплыть с Мартиники двадцатого июля.

– Ну и что? – Адриан не понял, при чем здесь старый отцовский друг.

– Ну, как же, – вкрадчиво проронил отец. – Мы же с ним договорились...

– О чем? – Адриан тряхнул головой, прогоняя невеселые мысли.

– Ты женишься. На приданом. В смысле, на Анжелике Бери.

Адриан вытаращил глаза.

– Это шутка?

– Какие могут быть шутки в нашем положении? – обиженно проговорил отец.

Адриан, все еще не веря тому, что это случилось именно с ним, уставился в пространство. Он был нищ, и его обязывали жениться. Да еще на приданом. Худшей доли для человека его круга и уровня притязаний придумать было невозможно.

«Анжелика Бери!.. – с ужасом подумал он. – Вот ведь нашел, кого мне сунуть!»

Аббат перечел донесение агента еще раз и раскрыл толстенный том с описанием всего торгового флота Франции. Амбруаз Бери снял две каюты – для себя и для дочери, отправился в путь 20 июля 1792 года и мог уже прибыть в Париж, но... не прибыл.

«Так, шхуна «Нимфа»... вместимость... паруса... год постройки».

– Нехорошо.

Шхуне было уже 24 года, она пережила несколько ремонтов. Значит, Амбруаз Бери мог опоздать, причем порядком. А штурм королевского дворца в Тюильри был назначен Аббатом уже на сегодня.

Аббат посмотрел на огромные напольные часы и сказал помощнику:

– Пусть матадоры выходят.

Сегодняшний штурм был предопределен еще 29 июля, когда Аббат приказал Робеспьеру начинать кампанию по свержению Людовика. А уже на следующий день, после нескольких важных разговоров, было решено, что впереди пойдут марсельские матадоры – парни дерзкие и крови не избегающие. За ними немедленно выслали гонца. В тот же день Аббат оценил затраты времени на сборы и дорогу от Марселя до Парижа и назначил дату штурма Тюильри – 10 августа 1792 года.

– Но, святой отец...

Аббат поднял голову и увидел, что помощник был еще здесь.

– Что тебе?

– Марсельцы просили дать им время на отдых.

Аббат поморщился. О прибытии пятисот матадоров его около полуночи известил набат. Понятно, что на постой такую ораву разместили не ранее двух часов ночи. Впрочем, спать никто из них и не подумал. Как доложили агенты, в предчувствии большого дела матадоры устроили грандиозную попойку. Само собой, с утра эти ребята чувствовали себя неважно.

– На том свете выспятся. Иди.

Помощник попятился к выходу.

– Стой!

Помощник замер. Аббат еще раз окинул взглядом бумаги, разложенные на столе, и цокнул языком. Ему не нравилось, что Амбруаз Бери еще не в Париже.

– Выясни, кто и где видел шхуну «Нимфа» с грузом сахара из Мартиники. Порт назначения – Бордо, но посудина старая, могла не дойти.

Помощник поклонился и бесшумно исчез в дверях.

Мария-Анна Лавуазье, урожденная Польз, не находила себе места. Сегодня ее должен был навестить сын Элевтер, однако около полуночи ударил набат, и стало ясно: Париж опять становится опасен. С утра и впрямь началось брожение, по улицам двинулись отряды санкюлотов. После них в воздухе надолго повисал запах перегара, старого пота и опасности.

Тревожась, она послала к сыну лакея с письмом, но тот ушел, да так и не вернулся. Когда внизу послышался грохот дверного молотка, Мария-Анна кинулась по лестнице так скоро, что едва не обогнала прислугу.

– Элевтер! Я же тебе писала, не приходи!

Двери открылись, и она обессиленно опустила руки. Это не был ее сын.

– Мое почтение, мадам Лавуазье.

В дверях стоял молодой Матье, сын друга семьи.

– Рада вас видеть, Адриан. Проходите. Что с вами?

Вид у парня был ужасный: волосы всклокочены, глаза дикие.

– Меня женят.

Мария-Анна улыбнулась.

– Давно пора.

Адриан вскинул красивые брови.

– Но меня женят на приданом Анжелики Бери!

Мария-Анна пожала плечами.

– И что в этом необычного? В Париже на приданом женят всех. Или вы опасаетесь, что это уронит вас в глазах ваших любовниц?

Адриан замотал головой и спросил:

– Могу я видеть вашего мужа?

Мария-Анна печально кивнула.

– Проходите, мой муж, как и всегда, в лаборатории.

Сегодня ее сын должен был брать у отца уроки порохового дела. Но было похоже, что Элевтер принял благоразумное решение. Он не только сам не стал выходить на улицу, но и ее посылного у себя задержал.

Адриан помчался вверх по лестнице, а Мария-Анна зябко повела плечами и еще плотнее закуталась в пелерину.

«Не дай бог никому такой судьбы!» – подумала женщина.

Со дня ее брака, по сути, коммерческой сделки отца прошел двадцать один год. За это время она так и не привыкла ни к двусмысленности своего положения, ни к тому, что единственный сын живет не с ней.

Адриан ворвался в лабораторию, и Антуан Лоран Лавуазье расплылся в улыбке.

– Вы-то мне и нужны, Адриан! Садитесь. Не здесь! Вот сюда, пожалуйста.

Адриан стремительно прошел, сел куда сказали и заявил:

– Антуан, мне нужна ваша помощь.

– А мне – ваша. Наденьте это на лицо.

Адриан покосился на кожаную конструкцию с массой ремешков. Из нее торчал пучок начищенных медных трубок.

– А что это?

– Маска. Надевайте, надевайте. – Лавуазье нетерпеливо протянул визитеру эту штучку-вину. – Сейчас мы измерим объем ваших легких.

Адриан пожал плечами, приложил маску к лицу, сразу об этом пожалел, но было поздно. Лавуазье немедленно затянул ремешки на его затылке, и юноше стало нечем дышать.

– Потерпите... сейчас!.. А теперь сделайте вдох, как можно более глубокий.

Адриан послушно потянул ртом воздух, отдающий медью.

– Еще глубже! – потребовал Лавуазье. – Еще! А теперь – выдох через нос.

Адриан выдохнул, но этого оказалось мало. Антуан заставил его повторить процедуру еще раз и еще. Вдыхать становилось все сложнее и сложнее.

Лишь после пятого выдоха Лавуазье принялся ослаблять ремни и заявил:

– У вас отличные легкие!

Адриан с облегчением сорвал маску и схватил исследователя за руку.

– Антуан, устройте меня на службу.

Лавуазье удивился.

– Вам что, не хватает денег?

Адриан глотнул.

– Мы разорены, Антуан. Касса, в которую вложил все наши деньги мой отец, рухнула.

Лавуазье удивился еще сильнее.

– Вы хотите сказать, что лучший спекулянт Парижа доверил деньги патриотической кассе?

Адриан развел руками.

– Именно так. – Его голос дрогнул. – Теперь меня хотят женить на деньгах.

Лавуазье сразу погрузился, и Адриан знал почему. Двадцать один год назад Антуана женили именно так, на деньгах. Никто не слышал, чтобы он жаловался на судьбу. Но в свете поговаривали, что бывший генеральный откупщик, весьма состоятельный коммерсант и крупнейший в мире специалист в пороховом деле несчастен.

– Вы не желаете зависеть от будущей жены?

– А кто желает? – с горечью спросил Адриан и тут же об этом пожалел.

Очень многие в свете считали, что мсье Лавуазье на самом-то деле ничем не владеет. Он может оплачивать свои дорогостоящие исследования лишь благодаря деньгам тестя.

Лавуазье нахмурился.

– Я не советую вам устраиваться на службу.

Адриан опешил. Все вокруг только и говорили, что ему пора подумать о своем будущем, взять судьбу в руки, начать служить Отечеству.

– Как так не советуете?

Лавуазье недовольно поморщился.

– В каком бы департаменте вы ни работали, обязательно угодите в свару группировок. Проигравшего – а я понятия не имею, кто это будет – отправят на эшафот. Вы хотите познакомиться с мадемуазель Гильотиной?

Адриан отчаянно замотал головой. Эта «мадемуазель» была не в его вкусе.

– Ну так возьмите меня к себе! Вас не тронут. А я неглупый малый!

Лавуазье отрицательно покачал головой.

– Неглупые малые сейчас не служат Отечеству. Они теперь его растаскивают. Если вы хотите прокормить семью, то займитесь тем же.

Адриан открыл рот, да так и застыл. Он никак не ожидал такого совета от честнейшего Антуана Лорана Лавуазье.

– Вы шутите?

Лавуазье отвернулся к окну.

– Уходите, Адриан. Я не дам вам ни места, ни рекомендации, ни денег. Я не хочу отвечать перед Господом за вашу судьбу. Сегодня едва ли не любой путь, не считая самых бесчестных, ведет на гильотину. Оставайтесь самим собой да проедайте деньги жены. Глядишь, и уцелеете...

Адриан вспыхнул, встал, сдержанно кивнул на прощание и вышел.

Три недели в море дали себя знать. Когда Анжелика сошла на испанский берег, ноги едва держали ее, а земля словно покачивалась. Но вместо того чтобы немедленно отправиться в гостиницу, им пришлось отвечать на вопросы таможенного офицера, а затем еще и клерка-монаха в какой-то нелепой рясе.

– Скажите, сеньор Бери, когда вы впервые заметили женскую деревянную фигуру над форштевнем шхуны «Нимфа»? – не отрываясь от заполнения бумаг, на неважном французском языке поинтересовался монах.

Анжелика, смертельно уставшая, мечтающая лишь о бочке с теплой водой, с ненавистью уставилась на этого каплуна. Таких бессмысленных вопросов она еще не слышала.

– Давно. – Отец пожал плечами. – Года три тому назад. Как только она стала делать рейсы с Мартиники.

Клерк в рясе аккуратно записал показание и осведомился:

– Вам известно значение этой фигуры?

Отец кивнул и сказал:

– Разумеется. Это нимфа, покровительница и символ корабля.

Клерк благодарно кивнул и написал еще одну строчку.

– Скажите, сеньор Бери, вы кому-нибудь сообщили об увиденном?

Отец растерялся.

– А кому я должен был сообщить?

– Да или нет? – Клерк проявил первые признаки нетерпения.

– Нет, – отрезал отец.

– Замечательно. – Монах приветливо улыбнулся и протянул бумагу. – Будьте добры, подпишите.

Отец наклонился, взял гусиное перо и поставил резкую, размашистую роспись.

– Благодарю вас. – Монах принял бумагу и тут же посыпал ее мелким песком, чтобы чернила просохли.

– Мы можем идти? – поинтересовался отец.

– Увы, нет, сеньор Амбруаз Бери. – Монах развел руками. – Я вынужден задержать вас по обвинению в пособничестве идолопоклонничеству.

Анжелика тряхнула головой. Она ничего не понимала.

Отец тоже удивился и спросил:

– Кому, вы сказали, я пособничал?

Клерк спрятал бумагу в металлический шкаф, щелкнул ключом и как-то снисходительно проронил:

– Капитан судна – главный обвиняемый. Он разрешил установить языческий образ на шхуне, значит, виновен в идолопоклонничестве непосредственно. Вы же знали об этом вопиющем факте уже три года и не сообщили церковным инстанциям, следовательно, виновны косвенно. Поэтому и обвинение вам предъявлено иное, лишь в пособничестве.

Отец побагровел и схватился за сердце.

– Я – подданный его величества короля Франции Людовика...

Но испанец оборвал его решительным, не терпящим возражений жестом.

– Вера в Иисуса не знает границ! – с болью в голосе произнес он.

Отец на мгновение ушел в себя, потом повернулся к Анжелике и проговорил:

– Поезжай в гостиницу...

– Это невозможно, – тут же вмешался монах. – Ваша дочь несовершеннолетняя, а потому на все то время, пока вы находитесь под следствием, попадает под опеку церкви.

Отец и дочь переглянулись. Они привыкли к либеральным законам острова Мартиника и понятия не имели, что где-то все еще царит подобный произвол.

– Не беспокойтесь, – чуть мягче произнес монах. – За пару дней, проведенных в монастыре, ничего дурного с вашей дочерью не случится. У нас очень богобоязненные сестры.

Анжелика вперила в монаха упрямый взгляд и вдруг осознала, что это первый мужчина в ее жизни, который вообще не отреагировал на нее как на девушку!

Дело было худо.

Адриан вышел из дома Лавуазье, привычно поднял руку, останавливая извозчика, и тут же сообразил, что не знает, есть ли у него деньги! Он пошарил по карманам, разыскал несколько серебряных монеток и решительно полез в экипаж. Клуб находился буквально в пятистах шагах, но появиться перед ним не в ландо, идти пешком было невыносимо.

«А скоро платить взнос!» – вспомнил молодой человек.

Пожинать, выпить и получить сигару он мог в клубе и бесплатно, однако в конечном счете за все приходилось платить. Взносы в клуб многократно превосходили все, что он мог съесть, выпить и прокурить. Но не платить было нельзя. На бедных в свете смотрели как на увечных, и Адриан категорически не желал, чтобы при встрече друзья отводили глаза и шептались за его спиной.

– Приехали, гражданин, – сообщил извозчик, и Адриан отметил, что обслуга впервые не сказала ему уважительного «мсье».

«Из-за несвежей рубашки?» – подумал он и кинул извозчику самую мелкую монету, какую нашел.

Молодой человек с трудом пропустил мимо ушей презрительное хмыканье, растолкал локтями мелких спекулянтов, скопившихся у клуба, и энергично взбежал по ступенькам. Он просто обязан был излучать успех! Адриан дружески похлопал по плечу швейцара, которому должен был бы дать монету, ворвался внутрь и опешил. В зале было практически пусто. Лишь в самом углу у окна сидел за ромом и сигарой интендант генерала Лафайета, не так давно принятый в клуб. Как и всякого новичка, его пока не слишком жаловали, а потому Адриан даже не помнил, как его звать.

Молодой человек, не спрашивая разрешения, решительно подсел к нему.

– Мсье, вы не разъясните мне, что происходит? Почему столики пусты? Неужели приличные люди не ходят в клуб из-за каких-то санкюлотов?

Интендант окинул его оценивающим взглядом, вдруг улыбнулся и спросил:

– Это ведь вы вчера «дразнили медведя»?

Адриан смутился.

– Да. Не дожал я их немного.

Интендант рассмеялся, поставил бокал на столик и подался вперед.

– Позвольте позжать вам руку, Адриан. Давно я не получал такого удовольствия!

Адриан растерянно принял рукопожатие, вдруг вспомнил, как звать интенданта, и сказал:

– Спасибо, Жан-Жак.

Интендант, явно довольный тем, что хоть кто-то здесь помнит его имя, расцвел и осведомился:

– Слышали, что учудили наверху? Они вбросили ассигнаций на триста миллионов ливров!

Адриан напрягся. Новость была несвежей, десятидневной давности. В клубе все упиралось на то, что ассигнация – это государственный долг, который все равно когда-нибудь будет оплачен. Но он помнил, что отец придавал таким новостям совсем иное значение. Все отпечатанные ассигнации мгновенно распределялись по министерствам, и начинались массовые закупки. Конторы приобретали бумагу и чернила, армия – хлеб и мясо...

Армия!

Адриан глотнул. Перед ним сидел не просто член клуба и интендант, а главный покупатель для всей французской армии, пусть и не слишком высокогородный.

«Только бы не попасть впросак!» – подумал молодой человек.

– То-то эта мелочь спекулянтская на лестнице толпится. – Он рассмеялся. – Чуют поживу! Замучили уже вас, наверное?

Интендант сокрушенно покачал головой.

– Я ведь не против, чтобы потратить деньги на благо Отечества, но вы посмотрите, что мне предлагают. Зерно лежалое, на мясо даже смотреть противно!

Адриан понимающе кивнул и заметил:

– Вам нужен крупный поставщик. Чтоб и цена была ниже, и лично вам хоть какой-то бонус. Мой отец всегда так поступает.

Интендант вежливо улыбнулся и вдруг дернулся, как будто его толкнули.

– Скажите, Адриан, а ваша фамилия не Матье?

Адриан похолодел. Он понятия не имел, знает ли интендант о том, что его отец – банкрот. Хуже того! Было предельно ясно, что буквально спустя несколько часов эту ужасающую новость узнают все деловые люди Парижа. Он был обречен упасть в глазах собеседника в любом случае: прямо сейчас или чуть позже.

– Аристид Матье – мой отец.

Интендант возбужденно заерзал.

«Он еще не знает», – решил молодой человек.

Пока новость не разошлась, Париж знал другое: Аристид Матье – одна из крупнейших биржевых фигур. Он дает своим партнерам соответствующие бонусы.

– Простите, Адриан... – Интендант чуть покраснел. – А вы не могли бы свести меня с ним?

Адриан взмок и опустил голову, спасаясь от внимательного взгляда одноклубника.

– Увы, Жан-Жак. – Он печально вздохнул и впервые в жизни нагло соврал: – Мой отец как раз сейчас работает с имуществом бывшего генерального откупа.

Интендант глотнул. К моменту ликвидации генерального откупа его сборы зашкаливали за 240 миллионов золотых ливров. То обстоятельство, что Аристида Матье подпустили к таким деньгам, резко повышало статус всей этой семьи.

– Но, может быть, тогда вы сами?..

Сердце Адриана стукнуло и замерло.

– Ну, не знаю. – Он поднял озабоченный взгляд на собеседника. – Я ведь пока еще не работал для армии. Только колониальные товары. Что там у вас? Мясо? Зерно? Фураж?

Глаза интенданта затуманились. Он уже видел, что только что ухватил за хвост волшебную птицу удачи.

– Я все объясню. – Жан-Жак торопливо открыл новомодный портфель с личной монограммой, лежавший рядом. – Но сначала давайте подпишем...

«Ох, сидеть мне в долговой тюрьме!» – подумал Адриан.

Это был бы еще не самый худший вариант. За срыв поставок в действующую армию могли и на гильотину отправить. Но поворачивать назад было невыносимо.

– Хорошо. – Он решительно кивнул. – Давайте все обсудим.

Спустя полтора часа Адриан проводил интенданта, раскрасневшегося от предчувствия неплохих бонусов, до экипажа и махнул на прощание рукой. Потом молодой человек повернулся к спекулянтам, уныло гомонящим на лестнице, и потряс перед ними только что подписанным контрактом на поставки.

– Ну что, мелочь неумытая, кто готов продать армии зерно и фураж за реальную цену? Спекулянты замерли. Фраза о реальной цене прозвучала угрожающе.

– Это Матье... – зашелестело вокруг.

– Сын Аристиды.

– Сволочи, все под себя подмяли.

– И смотрите! – Адриан свирепо ощерился. – Кто гнилье подсунет, лично на гильотину отправлю. Как пособника врага.

Толпа загудела. Спекулянты чувствовали, что принимать решение надо немедленно. Они понимали, что там, где расселась семейка Матье, больших прибылей не взять. Перекупщики уровня Аристиды все сливки загребали себе. Но и соблазн сбавить весь товар оптом был велик. Армия брала много.

– У вас полчаса, – предупредил Адриан и начал подниматься по лестнице. – Те, кто хочет со мной торговаться, могут идти домой. Остальных жду в клубе.

Это было против правил. Чужих в клуб не пускали. Но Адриан не имел не только своей конторы – даже дома, а именно сейчас зала была пуста. Он высыпал в руки швейцару все, что оставалось в карманах. Спекулянты мгновенно смолкли и наперегонки помчались за ним вверх по лестнице.

Штурм Тюильри начался в половине десятого утра – строго по расписанию и без помех. Париж, давно привыкший к тому, что санкюлоты вечно сбиваются в отряды и куда-то перемещаются, лишь немного встревожился, когда по улицам прошли марсельские матадоры. Впрочем, немногочисленные чиновники, верные королю, уже не успевали что-то разузнать и тем более предпринять. Народный гнев ударил по дворцу Тюильри мощно и неожиданно.

Аббат сдвинул занавесь крытого экипажа. За окошком висел густой пороховой дым, слышалась редкая мушкетная пальба и вскрики добываемых швейцарцев – личной гвардии Людовика. Дело приближалось к развязке.

В спину Аббату ударил яркий солнечный свет, дверца хлопнула. Аббат опустил занавесь и обернулся. Это был его взмыленный помощник.

– Швейцарцы отступили!

– Не кричи, – осадил его Аббат.

Они и должны были отступить. Людовик еще утром выехал из Тюильри и сидел в ассамблее. Он послал записку с приказом уходить из дворца, но спасти швейцарцев от резни это уже не могло. Матадоры умели и любили убивать.

– И сколько на этот час трупов?

Секретарь утер пот и доложил:

– Матадоров около сотни. Сколько швейцарцев – пока неясно, видимо, где-то шестьсот. Наши пушканы отлично сработали – врасплох, залпом прямо по казарме. Даже рукопашной не было.

Аббат поморщился. Ему нужна была обратная пропорция погибших, иначе нельзя будет обвинить Людовика в убийстве собственного народа. С другой стороны, король все равно был обречен. Сильная, огромная Франция, покорившая половину Северной Америки, практически всю Африку и даже Индию, попросту надорвалась. Колонии следовало содержать и охранять, а бюджет уже не мог выдержать такой нагрузки.

Понятно, что Людовик принялся заниматься. Ему давали охотно, много. Королевские долги все росли и росли. Однажды наступил момент, когда стало ясно: столько уже не выплатить никогда.

Аббат усмехнулся. Деньги во Франции были, причем много, прямо как в сказке. Один только остров Гаити покрывал сорок процентов мировой потребности в сахаре, а были еще и Ямайка, и Мартиника. Сахар превращался в ром, за него покупали рабов, они поступали на плантации и снова производили сахар. Все это беспрерывно вращалось, приносило отдельным французам огромную прибыль, а страна все нищала и нищала.

Генеральные откупщики, ответственные за сбор налогов, лишь делали вид, что занимаются своим делом. Они и сами были частью этой финансовой карусели. Табак, опиум, водка, сахар – лучшие товары в мире проходили через их руки. Понятно, что делиться с Людовиком эти господа не собирались. Купоны стригли несколько десятков крупнейших семей страны, а все затраты несли Бурбоны. Пришла пора банкротить страну.

Все было продумано. Как во всякой хорошей афере, реальные деньги доставались тем, кто все это время снимал сливки, а на эшафот предполагалось отправить того, кто подписывал бумаги. То есть короля.

Аббат рассмеялся. Когда Людовик осознал, куда все движется, он запаниковал. Обычный, довольно скромный в желаниях человек, более всего любивший слесарное дело, король совершенно не хотел платить за всех. Он начал судорожно искать, с кем бы разделить ответственность за золото, истраченное на общее благо. Конечно же, таких глупцов не нашлось.

Тогда перед Людовиком и предстал человек Аббата. Простыми словами, почти на пальцах он объяснил самодержцу, загнанному в угол, самое главное: почему за долги компаний платят пайщики, а доходы оседают у директоров. Аббат помнил сказанное наизусть. Он сам писал эту короткую речь.

– Все деньги компании видит только ее директор, пайщик же – лишь те, что лежат в кассе. А там всегда недостача.

Король густо покраснел и заявил:

– Но это же жульничество!

– Нет, конституция. Примите ее, и ваши королевские долги превратятся в обязательства всего народа. Ваши частные доходы при этом останутся при вас.

Людовик жутко возмутился, и тогда человек Аббата сказал главное:

– Ваше величество, сейчас у компании по имени Франция несколько сотен директоров, крадущих тысячами способов, и только один пайщик – вы. Да, вы просто обречены стать банкротом!

Тогда до короля дошло.

– И что же делать? – осведомился он.

– Развернуть ситуацию. Сделайте французов пайщиками, а себя – директором. И все!

Нет, Аббат вовсе не рассчитывал, что Людовик поверит. Но деться его величеству было некуда, а потому он сделал все, что ему насоветовали: и Генеральные штаты со всей Франции созвал, и конституцию принял, и даже министерства сформировал по английскому образцу – лишь бы уцелеть. Пример соседней Англии отлично показал, что случается с королями-банкротами.

Разумеется, все пошло совсем не так, как буквально на пальцах показывал королю человек Аббата. Хотя бы потому, что кроме обычных пайщиков есть и те, которые держат крупные пакеты акций. Да, французские буржуа с восторгом приняли на себя королевские долги в обмен на право заседать в ассамблее и принимать законы, по сути, для самих себя.

Но шло время. Многие уже начали понимать, что «компания по имени Франция» – банкрот, а значит, пора искать, кто в этом виновен. Разумеется, таковым являлся тот един-

ственный человек, который подписывал бумаги, бывший хозяин, а ныне «директор компании по имени Франция», его величество Людовик.

Аббат повернулся к помощнику.

– Что происходит в ассамблее?

Помощник торопливо достал из кармана ворох мятых донесений агентов и сказал:

– Людовик был настолько испуган штурмом Тюильри, что даже не понял, что его усадили в ложу стенографистов.

Аббат кивнул. Он сам приказал подобрать для королевской семьи ложу похуже. Людовика следовало как-то унижить. Нет, не для того, чтобы причинить ему боль. Просто многие депутаты ассамблеи были из простонародья. Все они с непривычки трусили, а потому им следовало показать, что король – полное ничтожество. Его место – в ложе для обслуги.

– Что еще? Дантона назначили?

– Да, – кивнул помощник. – Он теперь министр внутренних дел.

Аббат удовлетворенно улыбнулся. Эту схему он придумал давно. Сначала они взяли под контроль два десятка аферистов, сидящих в тюрьмах и далеко не самых простых. Все они когда-то работали в конторах генерального откупа. Только такие пройдохи могли найти, а если нужно, то и сострять компромат на своих бывших начальников – самых, пожалуй, богатых людей Франции. Уже сегодня, едва став министром, Дантон должен был кое-кого из этой публики освободить, само собой, на условиях «честного сотрудничества со следствием».

Аббат прищурился. Он знал, что так вот запросто генерального откупщика в прокуратуру не вызвать. Это были серьезные люди, и с ними следовало работать основательно. Вот для этого ему и нужен был Амбруаз Бери, причем не на старой торговой шхуне посреди Атлантики, а здесь, в Париже.

– Что там со шхуной «Нимфа»? – поинтересовался он.

– Я отправил агентов во все порты Франции, – заявил помощник. – Но вряд ли они обернутся раньше, чем через неделю-полторы.

Аббат нетерпеливо стукнул кулаком о колено. В такой ситуации, как теперь, даже сутки опоздания могли оказаться роковыми.

Помощники монаха начали оттаскивать Анжелику от отца. Она возмущалась, протестовала и даже бросила несколько резких выражений в адрес местного епископа.

Но отец, уже заключенный в колодки, немедленно ее осадил:

– Осторожней, дочка! Мы не на Мартинике. Держи язык за зубами.

Разумеется, отец был прав. Она и сама довольно быстро признала, что Испания – это не Мартиника. Дома для Анжелики всегда была готова теплая ванна, вкусная пища на выбор и даже личная горничная, пусть и черная. Все то время, что не было занято уроками, она могла купаться в лагуне, бить острогой крабов, рисовать, читать или болтать с подругами. Весь мир был у ее ног.

А здесь!.. Две здоровенные монахини с грубыми лицами под руки протащили ее на улицу и засунули в тяжелую, скрипучую, целиком закрытую карету с единственным окошком, глядящим в поясицу кучера. Спустя полчаса Анжелика оказалась в новом, неприветливом мире. Высоченные каменные стены, молчаливые монашки и огромная, ледяная, невзирая на август, обеденная зала. За простой дощатый стол усадили только двоих: ее да зареванную, обиженно хлюпающую носом девочку-еврейку с дешевым медным распятием, выпущенным поверх красивого модного платья.

На стол перед ними поставили парящий чугунок, и это было первое приятное событие за весь день. Горячая свежая каша после трех недель солонины и совершенно несъедобного

корабельного супа показалась Анжелике невероятно вкусной. Сразу после обеда приехал юрист – сухопарый монах с утонченными чертами лица.

– Я не обязан вам помогать, мадемуазель Беро, – на хорошем французском пояснил он. – Однако мне хотелось бы знать, есть ли у вас жалобы.

– Конечно, есть, – мрачно отозвалась Анжелика. – Что это за город такой?! Что за страна?! Что это за порядки?!

Юрист развел руками.

– Я не могу поменять для вас ни города, ни страны, ни порядков. Есть ли у вас жалобы на содержание?

Анжелика окинула взглядом облупившиеся, мрачные, холодные стены и сказала:

– Каша вкусная, а все остальное никуда не годится. Почему они меня не отвезли в гостиницу? Я бы все оплатила.

Юрист понимающе кивнул.

– Для вас, мадемуазель Беро, Испания в новинку. Поверьте, здесь вы в намного большей безопасности, чем в гостинице.

Анжелика удивилась.

– Это еще почему?

Юрист на мгновение задумался, словно оценивал, стоит ли это говорить.

– Здесь, в монастыре, на вас некому донести. Сестрам запрещено получать долю от доноса. Вы понимаете?

Анжелика удивилась еще сильнее.

– А за что на меня доносить? Я всего-то и хочу помыться да отдохнуть с дороги.

Юрист усмехнулся.

– Вы – иностранка, законов не знаете, заступиться за вас некому, а вот имущество, пригодное для конфискации, у вас есть. Поверьте моему опыту, на вас донесли бы уже в первые сутки.

Анжелика задумалась, горько усмехнулась и прошептала:

– Так вот почему отца арестовали.

– Нет. – Юрист решительно махнул рукой. – Ваш отец отделается очень легко. Пока главный обвиняемый – капитан. Он действительно преступник – прекрасно знал, что за фигура стоит у него на шхуне, тем не менее, рискуя смутить честных верующих, зашел в испанский порт.

– Но мы же тонули, – горячо пояснила Анжелика. – Мы не могли не зайти в Коронью!

Монах опечалился и заявил:

– Извините меня, мадемуазель Беро, но вы отвратительно воспитаны.

Анжелика опешила, попыталась возразить, но монах жестко остановил ее. Он сказал еще далеко не все.

– Хорошо воспитанная верующая девушка никогда не позволила бы себе плыть на таком судне. Тот факт, что «Нимфа» вдруг стала тонуть, лучше всего прочего говорит нам, на чьей стороне Господь.

«Господи Иисусе! – подумала Анжелика. – Куда я попала?»

Перед этой бесстыдной схоластикой она была абсолютно беззащитна.

– Извините меня, мадемуазель Беро, – проговорил юрист. – У вас, как я вижу, обоснованных жалоб нет, а мне предстоит еще одно дело. Всего хорошего.

Никогда еще Анжелика не чувствовала себя такой обескураженной.

Падре Хуан внимательно просматривал опись имущества, снятого с арестованного судна «Нимфа». Именно оно и представляло основной интерес. На душе у падре было тревожно. Он поднял колокольчик и два раза звякнул.

– Слушаю, святой отец. – В дверях мгновенно возник здоровенный послушник.

– Пригласи-ка ко мне юриста, – не глядя на него, распорядился падре Хуан.

Французские суда были довольно легкой добычей. В списке из шестидесяти парусников, попавшем к нему в руки, ни один не был назван нормальным христианским именем, только «Медузы», «Минервы» да «Авроры». Это был достаточный повод, чтобы заподозрить капитана в незначительной ереси и начать разворачивать следующий этап следствия, то есть искать статью потяжелее. При хорошем раскладе капитана можно было отправить на костер, а судно конфисковать. Даже после вычета королевской и церковной долей доносчику, а таким у падре числился двоюродный брат, оставалось довольно много.

«Ох, скорее бы накопить!»

На шее у падре Хуана камнем висели восемь племянниц, и все без приданого.

– Юрист уехал в монастырь, – доложил послушник, бесшумно выросший перед столом. – Он разбирает конфликт по этой еврейке.

Падре сокрушенно цокнул языком. Работать становилось все труднее. В былые времена они с помощью прислуги тайно крестили по пять-семь еврейских детей в месяц. В момент крещения дитя становилось христианином. Пребывание среди неверных родителей грозило его душе. Поэтому ребенка переводили в приют. С этого момента его интересы, включая права на наследование всего родительского имущества, представлял опекун – церковь Христова.

Падре Хуан вздохнул. Несмотря на принудительный характер крещения, юридически эта схема была безупречна. Иудеи, желающие вернуть ребенка, тоже крестились и начинали платить десятину. Или ее отдавал их наследник – уже после...

Инквизитор со вздохом перевернул страницу описи. Теперь все стало куда как сложнее. Христианскую прислугу просто перестали брать на работу в приличные дома, причем не только иноверцы. Именно прислуга доносила в инквизицию чаще остальных, а никто из богатых граждан попадать туда не хотел. В результате роль швейцаров начали исполнять африканские рабы, поскольку имущество не может свидетельствовать против своего владельца. Места горничных и лакеев доставались почти исключительно иностранцам. Понятно, что падре Хуану пришлось изыскивать новые методы работы, например, в порту, куда приходили иноземные суда.

Дело было новое, рискованное, но падре Хуан довольно быстро научился определять, с каким судном будут проблемы, а с каким – нет. С опиумом он даже не связывался. Такие дела обычно крепко держали в руках родственники монархов да епископов. Не стоило трогать и работоторговцев. Люди они были отчаянные, слишком уж склонные к насилию по самому пустяшному поводу.

Мелкие старые торговые шхуны, вынужденно пристававшие к испанским берегам, были для него самой желанной добычей. Приносил прибыль даже груз, принадлежащий не капитану-еретику, а компании, нанявшей судно. Когда хозяева товара узнавали, какой счет им предъявляют за его вынужденное хранение на складе приемщиков инквизиции, они предпочитали совсем отказаться от него либо согласиться на разумную компенсацию.

Сегодня падре Хуану особенно повезло. Во-первых, Амбруз Бери, хозяин товара, оказался на судне, а во-вторых, он имел неосторожность сказать все как есть. Теперь, в том случае, если сеньора Бери удастся довести до приговора, немного подмокший сахар можно было конфисковать.

Инквизитор окинул взглядом опись. На шхуне этого сахара было столько, что доли доносчика хватало для обеспечения приданым как минимум трех племянниц.

Все-таки падре Хуан тревожился. Он пока не до конца представлял, что можно вменить этому французу. Его беспокоило и наличие у еретика дочери. Будь она малым ребенком, ее отдали бы в приют и воспитали бы настоящую католичку. Но сеньорита Анжелика Бери,

пусть пока и не достигшая совершеннолетия, была достаточно взрослой и оставила впечатление девушки избалованной, грамотной и своенравной. По выходу из монастыря такая особа вполне могла подать жалобу и в Мадриде, и в Париже, а то и в Риме.

«Видимо, придется что-нибудь вменить ей», – решил падре.

Тут недоставало совета юриста. Пока падре Хуан видел только один способ устранить риск подачи жалобы со стороны Анжелики Бери. Надо было в чем-либо ее обвинить и с тщательным соблюдением всех юридических процедур довести дело до суда и приговора. Вместе с отцом!..

Мария-Анна Лавуазье давно хотела серьезно поговорить с мужем, но в лаборатории к нему было не подступиться. Сегодня, в единственный более или менее свободный день, к нему все время шли гонцы – то из ассамблеи, то от бывших членов откупа, то от тестя. Когда эта беготня прекратилась, Антуан был измотан и настроение у него стало хуже некуда. Но поговорить с ним все-таки следовало.

– Адриана женят на Анжелике Бери, – начала издали Мария-Анна.

– Я знаю, – кивнул Антуан. – Он просил у меня помощи.

Мария-Анна удивилась. Почтенная семья Матье не нуждалась ни в чьей помощи.

– Старый Аристид – банкрот, – пояснил Антуан. – Сегодня с утра приставы описали его имущество.

Мария-Анна охнула.

– Так Адриан вынужден теперь просить денег?

– Нет, не денег. Он просил устроить его на службу. – Антуан покачал головой. – Я отказал.

– Почему?

Муж нахмурился и пояснил:

– Потому что я нахожусь не в том положении, чтобы благодетельствовать молодым аристократам.

Семья Матье была давно дружна с ними. Прямой отказ в помощи Адриану совершенно вывел Марию-Анну из равновесия.

– Это еще почему? – не скрывая острого недовольства, поинтересовалась она.

И вот тогда уже вспыхнул муж.

– Да потому, что Дантон стал министром внутренних дел! – почти закричал он. – Из тюрьмы только что выпустили Годо!

Мария-Анна опешила.

– А при чем здесь Дантон? И какое отношение имеет какой-то там Годо к нашему долгу помочь другу семьи?

– Самое прямое, – с досадой выдавил муж. – Годо – таможенник, вор. Мы его поймали за руку на краже пятисот тысяч ливров. Дантон уже выпустил его под обещание активной помощи следствию.

Мария-Анна насторожилась.

– Какому следствию?

Антуан прикусил язык. Он явно сожалел, что поделился этой новостью, но и замолчать ее было уже невозможно.

– Кое-кто в ассамблее спит и видит, как бы отправить бывших генеральных откупщиков на гильотину.

Мария-Анна испугалась.

– И папу?

Муж на мгновение ушел в себя и тихо проронил:

– И Жака, и меня – всех. В такой ситуации ходатайствовать за Адриана – поставить под удар и его.

Мария-Анна похолодела. Антуан никогда не шутил с такими вещами. Гильотина в Париже не простаивает ни дня, а под лезвие попадают сплошь невинные. Это она знала прекрасно.

– Но как же так? Мой отец у Франции ни сантима не украл! А ты?! Ты же лучший знаток пороха в мире! С тобой нельзя так поступать!

Дверь внизу хлопнула, и Антуан встрепенулся.

– Вот и твой отец с нотариусом приехали.

Нестерпимый, ледяной ужас пронизал Марию-Анну. Нотариуса редко вызывают на дом, разве что когда нужно закрепить последнюю волю умирающего.

– Зачем с нотариусом? – мгновенно севшим голосом спросила она.

Антуан посмотрел жене в глаза, покачал головой и бережно взял ее за руки.

– Не бойся, Мария-Анна. Еще ничего не случилось. Ни-че-го. Просто мы должны предпринять разумные меры предосторожности.

Дверь открылась, и на пороге возник Жак Польз, отец Марии-Анны, невысокий, плотный, резкий в движениях. Даже не старик – просто сильно зрелый мужчина.

Этот умный, очень проницательный человек сразу все понял и спросил:

– Ты что, все ей уже рассказал?

Антуан нехотя кивнул. Конечно же, отец не проронил ни слова укора. Он не тратил свое драгоценное время на такие вещи, работал с человеком или расставался с ним.

– Тогда приступим, – распорядился отец и поманил рукой юриста, робко протиснувшегося вслед за ним. – Всех прошу присесть.

Мария вздохнула. Отец всегда был таким: решительным, жестким и даже бесцеремонным.

Все присели за единственный стол, свободный от реторт и колбочек.

– Мария-Анна! – Жак Польз повернулся к дочери. – Тебе предстоит стать одним из акционеров французской Ост-Индской компании.

Она поджала губы, и отцу это не понравилось.

– Не хмурься, Мария-Анна! Чем меньше денег на наших с Антуаном счетах, тем слабее будет интерес следствия к нам. А тебя не тронут.

– Вы уверены, папа?

Отец кивнул и заявил:

– Все продумано. Ты получишь акции не из наших рук. Ну и кодекс чести. Никто не трогает членов семьи, если они не замешаны прямо.

Мария-Анна вспыхнула.

– У якобинцев нет кодекса чести.

Отец поморщился. Он терпеть не мог тратить время на объяснения.

– У нас нет особого выбора, Мария-Анна. Табак и порох будут отбирать в первую очередь. Поэтому деньги надо вывести целиком, и Ост-Индская компания – подходящее место. Пойми, Мария-Анна, у нас нет времени на пустые распри. – Он повернулся к нотариусу: – Приступайте.

Мария-Анна стиснула зубы, глянула на мрачного мужа. Она вспомнила, что весь этот разговор начался с невинной фразы о женитьбе Адриана и Анжелики Бери, и вдруг поняла, что отец прав. Потому что он боролся, не ходил по домам с протянутой рукой, подобно младшему Матье.

Адриан работал как сумасшедший. Он никогда не помогал отцу в семейном деле, поэтому понятия не имел, как все это оформляется, но тут помогло нетерпение спекулянтов.

Видя, что он действительно спешит, и не желая остаться за границами сделки, они сами организовали оформление купчих – быстро, четко и бесперебойно.

Спустя три с половиной часа взмокший Адриан, едва сумевший отыскать в карманах панталон последнюю, чудом не потраченную ранее монетку, нанял экипаж. А еще через четверть часа он отбросил денщика в сторону и ворвался в рабочий кабинет интенданта.

Тот сидел за пустым столом, и лица на нем не было.

– Жан-Жак? – встревожился Адриан. – Что с вами?

Интендант поднял на него невидящий взгляд.

– Вы?!

«Он уже знает, – с горечью понял Адриан. – Что ж, известие о банкротстве отца было из числа самых важных. Оно пронеслось по Парижу со скоростью ветра».

Повисла пауза, тяжелая, нехорошая. Адриан прикусил губу. Сказав, что отец работает с имуществом бывшего генерального откупа, он соврал. Даже избитое мнение о том, что все крупные состояния начинались именно с обмана, лично ему облегчения не приносило.

– Я исполнил условия договора, – тихо произнес он и положил на стол толстенную стопку подписанных бумаг. – Здесь все: фураж, хлеб, мясо. На армейские склады они поступят в пределах пяти или шести часов. Оговоренный бонус вы получите, как только мы закроем сделку. Весь гнилой товар я обязуюсь заменить за собственный счет.

Интендант растерянно моргнул. Он поставил главным условием чрезвычайно низкие цены. Разумеется, найти столь недорогой товар можно было только в провинции. Поверить, что Адриан, не выезжая из Парижа, закрыл все текущие потребности армии по этим ценам, да еще всего за четыре часа, было невозможно.

– Постойте, но ведь ваш отец...

– Да, мой отец банкрот, – облегчил ему задачу Адриан. – Но это не мешает мне держать слово. Я взялся поставить товар и сделал это.

Интендант откинулся на спинку кресла и тяжело выдохнул. Он был опытный человек и понимал, что Адриан, скорее всего, просто перекупил товар у тех самых спекулянтов, которые вереницей сопровождали интенданта с самого утра.

– Позвольте!.. – внезапно осенило его. – Но если семья Матье обанкротилась, то чем вы им заплатили?!

Адриан усмехнулся и пояснил:

– Приставы арестовали имущество Аристида Матье, но не мое.

Интендант хлопнул глазами. Действительно, все говорили о банкротстве отца, и никто ни разу не упомянул о сыне.

Адриан чуть повысил голос и продолжил:

– Я никогда не разглашаю условий своих сделок, а поэтому ваш вопрос, чем заплатил спекулянтам, оставляю без ответа.

На самом-то деле маклеры прекрасно осознавали, что немедленный расчет с Адрианом невозможен. Слишком уж масштабна сделка! Никто не носит в карманах столько незаполненных векселей. Поэтому расчет был отложен. Утром семье Матье еще верили на слово. Но объяснять это интенданту означало бы уронить свое достоинство. Тот обязан был признать, что его вопрос недопустим. Он это мгновенно понял, густо покраснел и, пытаясь выровнять счет, ядовито хмыкнул.

– И все-таки вы мне... – Жан-Жак замер.

Слово «солгали» было чревато последствиями. Адриан уже показал, что способен за себя постоять.

– Вы... ваш отец ведь не работал с имуществом генерального откупа?

Адриан еле заметно улыбнулся.

– Никто не знает, с кем, с чем и на каких условиях работал мой отец. Он так же, как и я, не разглашает условий сделок с партнерами ни при каких обстоятельствах.

Интендант задумался. Ему нечего было возразить. Ответы были прямыми и точными. Заказ целиком исполнен. Теперь его ждало завершение сделки и бонус, заработанный стремительно, всего за четыре часа, и весьма немалый.

– Что ж, к делу. – Он рывком поднялся из-за стола. – Если товар поступит в пределах шести часов, то к утру мои кладовщики все пересчитают и примут. Встретимся в девять. Вас устроит?

Более всего Адриана устроил бы немедленный расчет. Он не завтракал и не обедал, ему негде было переночевать, не на что поужинать, у него не было денег даже на извозчика, чтобы добраться до центра Парижа и найти отца. Но товар и впрямь следовало посчитать и принять. А главное, он не мог позволить себе такой роскоши, как нетерпение. Эта привилегия только для бедных.

– Да, – кивнул он. – Разумеется, устроит. Завтра в девять.

Аббат добрался до ассамблеи уже к вечеру, когда весь Париж знал и о падении Тюильри, и о том, что королевские швейцарцы устроили настоящую резню простого народа. Ясно, что всех, как и всегда, возмущали происки аристократов. Сперва были озвучены данные о гибели сотни повстанцев, затем число жертв возросло почти в четыре раза, но этим сообщениям не верил никто. Да и не в количестве было дело. Все говорили главное: Людовик и его аристократы начали убивать собственный народ.

Аббат присел в уголке и окинул взглядом зал. Верхние трибуны, самые важные, там, где сидели монтаньяры, буквально содрогались от негодования. Аббат еще в самом начале, когда решался вопрос, где заседать, жестко приказал занять эти трибуны любой ценой. Теперь всякий, кто сидел хотя бы чуть-чуть ниже, постоянно чувствовал себя по сравнению с этой «горой» маленьким и приниженным. Даже тщедушный Робеспьер излучал это превосходство «горы». Просто потому, что его туфли всегда были выше переносиц оппонентов.

К нему подсел один из агентов.

– Что с дофином? – поинтересовался Аббат.

– Ему назначили воспитателя.

Аббат улыбнулся. Сегодня буржуа сделали многое: ввели всеобщее избирательное право и, благодаря резне в Тюильри, даже изолировали королевскую семью. Но самым главным стало именно это событие: назначение принцу крови воспитателя из народа.

Старший сын Людовика и Марии-Антуанетты имел огромные династические права, но теперь из него можно было вырастить что угодно. Он мог стать настоящим чудовищем, подобно крысе, возвращенной в бочке, на мясе слабых сородичей. Теперь европейские монархи стояли перед нелегким выбором: и далее признавать все права дофина, вне зависимости от того, что из него вырастят, или ограничить права носителя королевской крови. Вот только оба пути вели их напрямиком в небытие.

– А что обсуждают сейчас? – поинтересовался Аббат.

– Введение чрезвычайной комиссии, – тихо отрапортовал агент. – Идет как по маслу.

Аббат поднялся и неспешно двинулся к выходу. Буржуа и впрямь считали себя главными держателями акций компании по имени Франция. Старые королевские законы им мешали, а чрезвычайная комиссия позволяла их обойти. Так тропа контрабандистов огибает все таможенные посты.

Передел начался!

Аббат лучше других понимал, что все чрезвычайные меры в конечном счете нужны лишь для того, чтобы сделать незаконное законным. Это был самый быстрый способ при-

своить чужое. Крупнейшие буржуа Бордо, Марселя и Нанта уже потирали руки в предчувствии новых приобретений. Они думали, что делают это для себя.

Аббат улыбнулся. Он-то и подкинул им эту заманчивую идею узаконить беззаконие. Поэтому на самом-то деле все они работали на него.

«Главное, чтобы Амбруаз Бери не слишком припоздал», – подумал он.

Падре Хуан был расстроен. Все шло не так, как ему хотелось бы. Старая шхуна стоила многократно меньше, чем ее груз – сахар. Потому хозяин этого товара Амбруаз Бери был куда более интересной добычей, нежели капитан-еретик. Но вменить Амбруазу Бери было нечего. Он вел себя тем осторожнее, чем сильнее на него давили. Этот хитрец умудрялся отвечать на вопросы следствия так деликатно и вдумчиво, что даже самые сложные, провокационные вопросы не приносили главного – улики. Заносить в протокол было нечего.

Тогда к нему, несмотря на возражения юриста и врача, применили пытку водой. Этот шаг стал роковым. Старик оказался сердечником. Он задыхался, терял сознание, а потом вдруг начал опухать буквально на глазах.

– Асцит, – констатировал врач. – Он продержится от силы несколько часов и умрет.

Падре Хуан запаниковал. Врач у него был опытный, хороший. Через его руки прошли многие сотни испытуемых, а потому от пыток подозреваемые у них пока не умирали. Амбруаз Бери обещал стать первым.

– У нас нет состава преступления, – напомнил юрист. – И если он умрет...

Падре Хуан стиснул зубы. Начальству было безразлично, сколько еретиков сдохнут в пыточной камере, но этот француз таковым еще не был. Он ни в чем не признался, на него никто не донес, а главное сказал юрист: они еще не успели подобрать ему состав преступления. Обвинение в пособничестве установке языческой статуи на шхуне было, мягко говоря, притянуто за уши.

А потом Амбруаз Бери попросил пригласить к нему священника, желательно француза, и принести его Библию. Падре Хуан совершенно упал духом. Дело шло к развязке. В перспективе падре Хуана ждало отстранение при первой же ревизии. Место у него было завидное, и желающих занять его хватало с избытком.

«Ну уж нет! – решил инквизитор. – Только не это!»

Ему следовало обеспечить приданым восемь племянниц, а потому он отбросил чувства и кинулся к стене, возле которой были свалены в кучу библиотека старика, бухгалтерские книги и личная переписка. Следовало методично просмотреть каждую страничку, любую книгу – неважно, бухгалтерскую или географический атлас, все письма!

– Он не может быть святым! – опустившись на одно колено, пробормотал падре Хуан. – Что-нибудь да найду!

Годился фривольный роман, попавший в «Индекс запрещенных книг», скабрзная шутка в частном письме – что угодно!

Сзади подошел врач и сказал:

– Я бы на вашем месте выполнил просьбу этого француза, падре Хуан.

Тогда инквизитор взорвался.

– Не учите меня, что мне делать! – заорал он. – Я что, похож на дурака?!

Падре Хуан не хотел приглашать священника. Это было рискованно. Амбруаз мог знать за собой какой-то грешок, покаяться и получить отпущение. Это означало бы крах всего следствия. Даже если состав преступления и был, то с момента отпущения греха он для церкви уже не существовал.

С другой стороны, если Амбруаз, пока еще невиновный, умрет без покаяния, то встанет вопрос о персональной ответственности падре Хуана. За смерть без покаяния головы отрывали мигом. Даже инквизиторам!

– Он умирает, – сухо констатировал врач.

Падре Хуан скрипнул зубами и рывком поднялся с колена. Грех Амбруаза пока оставался гипотетическим, а вот угроза смерти без покаяния становилась все более реальной.

– Хорошо, сделайте так, как он просит.

Во всей Коронье был только один священник-француз, отец Жан. Он жил далеко, в представительстве крупной торговой компании, и посыльный мог опоздать. При разбирательстве этого случая врач и юрист подтвердят, что падре Хуан отдал это распоряжение.

Юрист мгновенно сунул в руки умирающего французского Библию, врач послал здорового послушника в торговое представительство, а падре Хуан снова рухнул на колени. Он был обязан хоть что-нибудь найти. Но шла минута, вторая, двадцатая, а все было без толку: в паре шагов от него умирал святой.

В конце концов пришел священник. Исповедь началась и кончилась. Умирающий выразил свою последнюю волю, и лишь тогда до инквизитора дошло, что он что-то такое подозрительное уже видел.

– Где оно?! – Падре Хуан бросился к уже просмотренным бухгалтерским книгам, нашел знакомый корешок, вытянул, открыл и тихо, счастливо рассмеялся.

– Он – пайщик!

Врач, юрист и французский священник недоуменно переглянулись.

– Амбруаз Беро – совладелец этой шхуны! – громко объявил инквизитор. – Он купил в ней долю!

Юрист прищурился. Он уже понимал, чему так радовался падре Хуан. Если Амбруаз Беро является совладельцем шхуны с еретическим изображением, то он виновен даже больше, чем капитан судна. Его можно было смело отправлять на костер!

Падре Хуан взял бухгалтерскую книгу и подошел к умирающему. Тот совершенно распух и уже не мог проронить ни слова.

– Ты виновен! – Инквизитор прямо перед его глазами потыкал пальцем в запись о покупке пая. – Я уверен, что именно в этом грехе ты не покаялся!

Амбруаз Беро перевел взгляд, полный страдания, на французского священника. Уже было видно, что падре Хуан прав. Именно этот грех не был раскрыт на исповеди. Значит, Амбруаз Беро – не просто грешник, а злостный еретик, сохранявший верность язычеству даже перед лицом Господа, на смертном одре!

– Так, быстро протокол! – распорядился падре Хуан.

Счет шел на секунды. Юрист кинулся к столу, быстро застрочил по листу бумаги. Едва падре Хуан поставил завершающую подпись, грешник дернулся, сжал кулаки и обмяк.

«Я успел!» – Инквизитор вытер рукавом ряссы взмокший лоб и опустил на стул.

Ноги не держали его. Оставалось подумать, все ли он сделал, хотя падре Хуан уже видел: нет, пока не все.

Вслед за отцом следовало довести до приговора и потенциальную жалобщицу, чересчур грамотную и своенравную сеньориту Анжелику Беро.

Анжелика едва успела помыться ледяной водой с отвратительным вонючим мылом, как за ней приехали. Не говоря ни слова, ее сунули в ту же самую глухую черную карету. Спустя полчаса тряски по плохой дороге она оказалась в той же комнате, в которой рассталась с отцом.

Инквизитор сидел за столом и что-то строчил. Юрист и врач тихо говорили о чем-то у окна. Отдельно от всех, на стуле с прямой спиной сидел священник.

Француз?!

– Мое почтение, святой отец, – с улыбкой поприветствовала священника Анжелика.

Она мгновенно отметила его заинтересованный мужской взгляд. В нынешней ситуации ей был полезен любой союзник.

Впрочем, в комнате был еще один неизвестный ей мужчина – неживой. Он лежал на лавке у стены, огромный, распухший, с маленьким томиком Библии в застывших руках и почему-то в одежде ее отца.

Священник поднялся со стула, подошел к лавке и произнес по-французски со странным акцентом.

– Попрощайся, Анжелика.

«Южанин, – подумала девушка. – Наверное, из Бордо».

Лишь тогда до нее дошло, что человек, лежащий на лавке, должен быть ее отцом. Это было настолько невероятно, что она подошла, без всякого страха заглянула в лицо покойного и не узнала его.

– Это не мой отец.

Священник вздохнул.

– Это он, дочь моя, уж поверь.

Анжелика нагнулась ниже, всмотрелась и... все равно не узнала.

– Может, оно и к лучшему, – пробормотал священник.

– Что? – не поняла Анжелика, но на ее глаза уже наворачивались слезы.

– Святой отец, не мешайте работать! – нетерпеливо напомнил о себе инквизитор. – Сеньорита Бери уже попрощалась с покойным.

Священник отрицательно покачал головой и заявил:

– Я еще не озвучил последнюю волю усопшего.

Тогда инквизитор буркнул что-то по-испански. Анжелика всхлипнула, оглянулась и вдруг ясно поняла, что он сказал о ней что-то очень нехорошее.

– Сеньорита Анжелика Бери, подойдите к столу, – проговорил падре Хуан опять на французском. – Присядьте.

Подозреваемая подчинилась.

– Давайте кое-что выясним.

– Анжелика, не отвечайте! – громко предупредил ее священник.

– Выйдите, отец Жан! – приказал падре Хуан и принужденно улыбнулся подозреваемой. – Сеньорита Анжелика, вы, я вижу, девушка воспитанная и грамотная. Где вы учились?

Отец Жан шагнул вперед.

– Не отвечайте, Анжелика! Ваш отец уже осужден, поэтому следствие закрыто.

– Выведите его, – распорядился падре Хуан и настойчиво повторил вопрос: – Так где вы учились?

– Дома, – растерянно ответила француженка и обернулась.

Она не могла понять, кого ей слушать.

Отца Жана уже выводили под руки.

– Смотрите на меня, – попросил падре Хуан. – Вы, вероятно, изучали греческие книги? Какие именно?

– Прекратите! – заорал французский священник. – Вы не можете так просто допрашивать будущую послушницу монастыря Святой Мерседес!

– Я не очень прилежная ученица.

Падре Хуан насторожился. Он только что услышал нечто, выпадающее за рамки процедуры.

– Что? – Он повернулся к французу, почти вытолканному за дверь.

– Я же говорил, что должен озвучить последнюю волю покойного! – Отец Жан с отвращением вырвался из рук огромного послушника.

Падре Хуан стиснул зубы. Лучше бы ему о монастыре Святой Мерседес не слышать, но теперь ничего было не исправить. Слово сказано!

Отец Жан тут же перешел в наступление.

– Поскольку Амбруз Бери на момент исповеди еще не был осужден как еретик, его последняя воля законна и священна! – громко объявил он.

Это падре Хуан и без него понимал.

– А поскольку его дочь пока не достигла совершеннолетия, он был вправе распорядиться ее судьбой, – удовлетворенно и уже не так громко выпалил француз.

Это тоже было ясно.

– Ближе к сути! – раздраженно потребовал падре Хуан.

– Амбруз Бери завещал дочери чтить Писание. – Отец Жан подошел к сеньорите Анжелике и торжественно вручил ей темный томик. – Он велел ей принять послушание в монастыре Святой Мерседес вплоть до совершеннолетия.

Сеньорита Анжелика покачулась так, словно ее ударили в живот.

– Что?!

– Да, Анжелика. – Отец Жан удовлетворенно закивал ей. – Вплоть до совершеннолетия ты будешь служить Господу.

В комнате повисло гробовое молчание. Падре Хуан опустил глаза в стол. Он уже ничего не мог сделать. Едва покойный озвучил эту свою волю, его дочь попала под защиту небольшого, но довольно сильного монастыря. Тронуть ее теперь означало вступить в конфликт с церковью, а это – занятие для дураков.

– Четыре года в монастыре?! – возмутилась девушка, еще не понимающая, что покойный отец только что спас ее от костра. – Мне и так уже семнадцать! Замуж давно пора выходить!

– Всего четыре года, – мягко произнес отец Жан. – После этого вы сможете распорядиться собой так, как захотите.

– Всего?! Вы сказали «всего четыре года»?!

Падре Хуан задумался. Ему сложно было вот так сразу оценить, насколько может быть опасна Анжелика Бери, когда станет совершеннолетней и все-таки выйдет за монастырский забор.

«Не трус, – подбодрил он себя. – Документы в порядке, протокол составлен со всей тщательностью. Что она сделает?»

Но он прекрасно понимал, что неуязвимых людей нет. Было бы желание отомстить, а способ найдется.

Ясно, что ни один следователь не довел бы ни единого еретика до приговора, если бы соблюдал все формальные процедуры. Такова практика. В сегодняшнем деле тоже не обошлось без мелких процедурных нарушений. Так, Амбруза Бери поместили в колодки, хотя на тот момент он еще был только «легко подозреваемым». Да, колодки отлично помогают подавить волю еретика, но формально это было нарушением.

То же и с коротким пребыванием этой девчонки в монастыре. Она от этого совершенно не пострадала, но формально правила были нарушены.

Падре Хуан поморщился. Существовала только одна мера, решавшая всю эту бездну проблем на корню: неукоснительное доведение до приговора всех, кто еще может пожаловаться. Сегодня он этого сделать не сумел – впервые за много лет.

– Поганые убудки! – закричала будущая монахиня. – Чтоб вас черти в аду зажарили!

Падре Хуан недовольно рыкнул и зажмурился. В любой другой ситуации он бы ее за такие слова в порошок стер. Теперь ему приходилось терпеть и утешать себя тем, что худо-бедно, а трех своих племянниц он сегодня приданым обеспечил. Завтра кладовщики при-

мут сахар, послезавтра товар оптом уйдет на биржу. Через неделю двоюродный брат, числящийся доносчиком, отдаст падре Хуану все, что сумел добыть.

– Чертовы ублюдки! – вопила уже у дверей несостоявшаяся еретичка. – Чтоб вас всех!..

Адриан вошел в число крупнейших коммерсантов Парижа мгновенно.

– Слышали, какую аферу провернули эти Матье? – судачили парижане. – Едва отец обанкротился, у сына тут же появились деньги!

– И какие! Парню всего-то двадцать один, а он уже делает поставки для всей действующей армии!

– Ни стыда ни совести! Яблочко от яблони...

Адриан в объяснения не пускался. Пусть парижане думают что хотят. Он тщательно расплатился и с Жан-Жаком, и с каждым спекулянтom. Потом молодой человек снял контору в предместье Сен-Антуан. На втором этаже он обустроил спальни для отца, гостей и себя. Адриан выдал небольшое пособие прислуге, уволенной отцом. Денег оставалось в обрез. Закупочные цены были крайне низки, а бонус интенданту, напротив, довольно высок.

– Будете работать для армии и дальше? – Жан-Жак искоса глянул на него, пересчитав несколько толстенных пачек ассигнаций.

Взаимное расположение меж ними после короткой стычки в тот вечер испарилось. Доверию нет места в отношениях такого рода.

– Да, разумеется, – кивнул Адриан. – Армия – хороший покупатель.

Он уже знал, что этот заказ получил чудом, лишь потому, что Лафайет, командующий войсками, начал менять приближенных. Он сделал несколько ревизий, и Жан-Жак резко оборвал все старые связи, компрометирующие его в глазах начальства.

– Должен предупредить, что это не продлится долго, – вкрадчиво произнес интендант.

Адриан понимающе кивнул. Лидеры в ассамблее периодически менялись. Каждый раз после такой смены летели головы по всей вертикали. Новые «неподкупные» ставили своих людей возле каждой доступной кормушки.

Пожалуй, лишь теперь Адриан в полной мере осознал, почему отца так остро интересовали сплетни, разносящиеся из ассамблеи. Каждый декрет приводил к скачкам рыночных цен, в конечном счете – к чьему-то обогащению. Или разорению.

Теперь, столкнувшись с этим лично, Адриан усадил напротив себя отца и потребовал точных консультаций по каждому темному месту. Тот был премного доволен.

– Вот решили они, что каждый француз, воюющий за свободу, получит права активных граждан, – подливая себе вина, объяснял отец. – В результате в армию потянулась всякая шваль: бывшие лакеи, подмастерья...

Это Адриан и сам видел. После декрета даже гвардию как подменили, и вчерашняя элита армии вдруг заговорила на языке улицы. Потому гвардейцы и не помогли швейцарцам отбить штурм Тюильри, что и в армии всем заправляли санкюлоты.

– Но нас это не касается, – заявил отец и рассмеялся. – Нам интересно другое. Просто-народе – это не то что старые вояки. Их можно даже гнилой крупой накормить, никто не возмутится. Значит, интенданты будут массово скупать лежалый товар.

Адриан цокнул языком. Если бы он это учел, то его доходы от первой сделки возросли бы вдвое. Что бы Жан-Жак ни говорил, а качество мяса, фуража и муки его интересовало в последнюю очередь.

– То же и с коммуной. – Отец усмехнулся. – Получили коммунары право хватать и судить каждого, кого им вздумается, и к чему это приведет?

Адриан пожал плечами и предположил:

– Наверное, к беззаконию.

Отец рассмеялся и пояснил:

– Нет, к тому, что арестанта кормить надо каждый день. Кто поставит тюрьмам все ту же крупу, мясо, овощи? Коммунарам надо еще многих арестовать, а интендантов у них пока нет. Как и складов. У них ничего пока нет.

Адриан аж взмок. У Парижской коммуны были колоссальные полномочия и огромные аппетиты. Он уже представил, сколько сливок можно снять, если подсунуть им в интенданты своих людей.

Отец вздохнул, попытался налить себе еще, но Адриан его остановил. После банкротства старый Аристид как-то резко, буквально за сутки сдал и совсем перестал заботиться о своем достоинстве.

– Хватит вина, папа.

Отец нехотя подчинился и заявил:

– Потому я тебе и говорил, что не с теми ты в клубе дружишь. Не пойдет вчерашний аристократ работать в коммуну кладовщиком. Дружи с теми, кто дело делает, а не шлюх на лодках по Сене катает.

Вот теперь Адриан опечалился всерьез. Мир, в котором он столь беззаботно провел самые лучшие годы жизни, рушился на глазах: ни клубных посиделок, ни «травли медведя» – вообще ничего! Ну а предстоящая женитьба на Анжелике Бери, которую он запомнил довольно вздорной девчонкой, ставила на его жизни толстенный могильный крест.

– Скажи, папа, а без этой женитьбы никак не обойтись? – Он молитвенно сложил руки. – Я выкручусь, обязательно что-нибудь заработаю! Только не женитьба!

Отца как подменили.

– Даже не думай ускользнуть, – сказал он, мгновенно протрезвев. – Дело не только в приданом. Для меня ваш брак – дело чести.

Аббат разбирал Францию на фрагменты аккуратно и продуманно. Первым делом его люди в ассамблее объяснили буржуа, опьяненным успехами, важность административной реформы. Новая Франция вместе с Парижем была порезана на восемьдесят три с половиной департамента, в точном и красивом соответствии с астрологическим числом Урана. Это была уже другая страна. Новые границы пролегли так, что земли старых аристократов оказались в разных департаментах. Чтобы решить пустяшный вопрос, им приходилось обращаться в два, а то и в три разных муниципалитета. Как минимум в одном из них держали верх якобинцы. Любое дело стопорилось навсегда.

Буржуа это нравилось. Они охотно подыгрывали коммунарам. Лучшие земли знати постоянно дешевели и скупались оптом, за бесценок. Кое-где от аристократов требовали предоставления документов на землю, и довольно быстро обнаруживалось, что у самых старых и уважаемых семей никаких бумаг нет и в помине. Они даже не помнили, при каких обстоятельствах эта территория им стала принадлежать! Тогда земля переходила в общественные фонды, а оттуда – прямоком и недорого – в руки самых значительных коммунаров-буржуа.

Крестьян к дележу даже не подпускали. Лучшее, на что они могли рассчитывать, – аренда. Мелкими участками и ненадолго.

Понятно, что у многих аристократов документы были в порядке. В этих случаях на помощь новой власти приходили законы, принятые ею.

«Надо спасти страну! – кричал Робеспьер под восторженные вопли соратников. – Незаконно лишь то, что ведет к ее гибели!»

Поскольку обанкротившуюся Францию вел к гибели любой путь, незаконным стало все. Сам закон стал фикцией.

Это устраивало всех. Крестьяне мигом перестали платить налоги. Каждая мэрия теперь имела право на арест любого лица, признанного подозрительным. Депутаты ассамблеи дер-

жали руку на пульсе. Поэтому они быстро разобрались, кто особенно подозрителен. Разумеется, это были представители проигравших группировок: всякие фельяны, которым подавай монархию, ограниченную конституцией, плохие выборщики и неправильные подписанты. Самую большую группу составили враги суверенитета народа. Под такое определение подходил вообще каждый человек, усомнившийся в правоте новой власти.

Аресты и конфискации пошли по всей Франции. Среди депутатов ассамблеи почти не было случайных людей. Все они имели какие-то интересы дома, в провинциях и теперь удовлетворяли их быстро, с волчьим аппетитом.

Аббат улыбнулся и отодвинул карту Франции в сторону. Изюминка была в том, что все делали то, что хотят, и ровно то, что надо. Санкюлоты мстили аристократам за былые унижения. Депутаты отнимали чужое имущество. Буржуа его скупали. Банды мелких спекулянтов мигом заполняли своими деньгами все лакуны, помогая титанической машине разрушения набирать обороты. Каждый старался ухватить кусок покрупнее, а экономика Франции стала более всего напоминать жернова. Крупные куски зерна мнут, движутся дальше, давятся еще мельче. Рано или поздно на выходе получается готовый продукт – прекрасная мука. Если ситуация не изменится – а этого не произойдет! – то страна просто обречена слой за слоем, одного за другим потерять всех, кто владеет хоть чем-то дороже пары ботинок. Всех, кто крупнее мучной пылинки.

– Разрешите, святой отец? – На пороге появился помощник. – Вы приказали докладывать в любое время.

– Говори.

– Прибыла почта из Марселя. Шхуна «Нимфа» в порту не появлялась.

Аббат снова пододвинул карту. Шхуну не видели ни в Нанте, ни в Бордо, ни даже в Марселе. Во Францию она не пришла вообще.

Крушение?

Аббат поиграл желваками, ткнул рукой по направлению к полкам и распорядился:

– Дай-ка мне сводки погоды.

Помощник метнулся к стеллажам и перенес на стол толстенный том. Аббат заглянул на первые страницы, полистал их и хмыкнул: ни штормов, ни ураганов. Все последние недели Атлантика была спокойна.

«Задержка в Испании? Или даже в Португалии?» – подумал он, опять ткнул рукой в полки и велел подать сводки по этим странам.

Помощник мигом доставил ему еще два тома. Аббат поочередно открыл их, пролистал и задумался. Старая шхуна запросто могла зайти на ремонт в Лиссабон или в Коронью. Если она до сих пор еще не во Франции, значит, ее задержали. Например, капитана обвинили в контрабанде. Или предъявили ему имущественный иск.

«Нет, Лиссабон маловероятен, далековато от маршрута. Испания?»

Аббат стремительно пробежал глазами одну страницу, вторую, третью. В справочнике, созданном его агентами, числились все персоны, которые хоть чем-нибудь управляли в Испании. Но ему были нужны только три города: Сантандер, Гийон и Коронья. Других портов вдоль маршрута шхуны не было.

«Таможня! – Аббат выделил самое рискованное для судна место. – Инквизиция и суд».

Таможня уже не годилась. Амбруз Бери мог откупиться от любого чиновника. Слуцись крупная проблема, он просто бросил бы груз на произвол судьбы. Прибыть в Париж в срок было для него стократ важнее. Оставались только две структуры, имеющие возможность задержать спешащего человека на неопределенный срок: суды, церковный и мирской.

– Вызови ко мне Охотника, – распорядился Аббат.

Известие о том, что муж ушел из департамента пороха и селитры, поэтому теперь им придется выехать из квартиры в арсенале, совершенно потрясло Марию-Анну.

– Это как раз то, о чем говорил твой отец, – напомнил ей Антуан. – Нас начали выжимать из табачного и порохового дела.

Она тряхнула головой и спросила:

– Так быстро?

Муж развел руками.

– А чего им тянуть. Каждый день правления – это немалые деньги.

Ее охватило негодование.

– Но ты – Лавуазье! Тебя нельзя просто выбросить на свалку!

– Можно. – Антуан усмехнулся. – Порох слишком дорого стоит, чтобы оставлять его в руках какого-то Лавуазье.

Но Мария-Анна поверить в такое не могла. Уж она-то знала, сколь многое зависит в этом деле от опыта ее мужа.

– Они же всю армию без пороха оставят! Одна случайная искра, и нет арсенала.

Антуан лишь пожал плечами. Он был расстроен и тоже это понимал, но что-то изменить уже не мог. 15 августа они быстро, словно погорельцы, перебрались в новую квартиру на бульваре де ла Мадлен, дом 243.

Там их уже на следующий день навестил отец. Тогда-то Мария-Анна и поняла, что он даже и не думал отступить.

– Куда они денутся? – заявил старый Жак Польз в ответ на какое-то возражение Антуана. – Арсенал держат они, а селитру – мы.

Марию-Анну как ударили.

Мерзавцы!

Только теперь она поняла, зачем отец купил ей пакет акций французской Ост-Индской компании. Хорошую селитру можно было сделать только в Индии. Теперь, смиренно отдав коммунарам Арсенал, Жак Польз намеревался диктовать им цены на это главное исходное сырье для производства пороха.

– Вы не смеете со мной так поступать, – заявила она, развернувшись к мужчинам. – Я не хочу на гильотину!

Отец насупился. Он знал, что дочка права. Руководители чрезвычайной комиссии уже начали отправлять на гильотину следующий слой прежних собственников. Мария-Анна больше не была посторонней. Едва подписав бумаги, она стала соучастницей драки за власть, совершенно ее не касающейся.

– Не преувеличивай, – выдавил отец.

Но Мария-Анна не собиралась им этого попускать.

– Ты, папа, можешь играть с огнем, сколько тебе угодно, но я...

Отец густо покраснел.

– Выйди, Мария-Анна. Займись женскими делами. – Он уже не мог сдержать раздражения. – Место курицы – на насесте!

В лицо Марии-Анны бросилась кровь.

– Да, я курица, папа, – почти по слогам процедила она. – А в конvente каждый второй – бешеный хорек. Вы меня им уже отдали! За селитру...

Она развернулась, вышла, изо всех сил хлопнула дверью и только здесь разрыдалась. Отец, жесткий и все-таки очень деликатный в обращении с мужчинами, совершенно с ней не считался ни единого дня. Он отдал ее, совсем еще малютку, в монастырь, спихнул замуж в четырнадцать неполных лет. Теперь тоже ничего не поменялось.

Мария-Анна, успокаивая себя, вздохнула, всхлинула и вдруг ясно поняла, что в чем-то сочувствует этим новым правителям, лишенным стыда и совести. Как бы то ни было,

но они обещали людям главное. Подмастерьям – право жить без вечных побоев, уставшим супругам – возможность развода, а всем остальным – просто шанс быть счастливыми.

Аббат знал, что Охотник прибудет быстро, а потому отложил дела и принялся листать не самый обычный атлас. На первой странице здесь располагались не страны, а самое главное – торговые пути. Аббат не без удовольствия окинул их взглядом. В кратчайшие сроки Франции предстояло взять под контроль Бельгию и Нидерланды с их лучшими в Европе портами, реки Маас, Мозель и великий Рейн – от моря до Швейцарии. Следовало аннексировать Савойю и Авиньон, чтобы вся река Рона проходила по французской территории. Важна была и Ницца. Лишь заняв ее, можно было получить общую границу с Генуей.

Аббат лучше многих понимал: чьи таможи, тот и богат. Купец может сложить у себя на складе все сокровища мира, но если он хочет хоть что-то продать, то ему просто придется войти в иноземный порт и повести судно по чужой реке в глубину страны. На каждом этапе такого путешествия он будет платить.

Аббат откинулся на спинку старого удобного рабочего кресла. Эту войну за чужие реки и порты начал еще Людовик. Он вложил в нее колоссальные деньги. Конечно же, ему и в страшном сне не могло привидеться, что лавры победителей достанутся буржуа, все это время ехавшим на его плечах.

А в перспективе!..

Аббат перевернул страницу атласа. Да, в перспективе наступит следующий этап: контроль над Ла-Маншем, Гибралтаром, египетским каналом, ведущим из Нила в Красное море, и датскими проливами. Вроде немного, но это отдало бы в его руки весь импорт и экспорт Европы. Целиком. До последнего медного су.

Он улыбнулся. Пожалуй, такой контроль напоминал кожаный мех с вином, поднесенный к жаждущему рту Европы. Горловину этого меха держал бы он, лично. Захотел – пережал, и струя исчезла. Захотел – отпустил. В этом и состояла конечная цель французской революции, самой великой за всю историю человечества.

Аббат удовлетворенно сжал кулаки. Все морские пути мира вели в Европу. Поэтому все колонии мира – тот самый «мех с вином», полный пряностей, табака и сахара – целиком зависели от европейских ввозных пошлин. Стоило ему подчинить эти несколько главных проливов, и он брал за горло не только колонии, но и всех. Революция переставала быть строго французской и вообще таковой. Новый неизбежный миропорядок еще не имел подходящего названия.

Дверь открылась без стука. Аббат поднял взгляд. На пороге стоял Охотник – высокий, сухопарый, сосредоточенный.

– Проходи, – без улыбки пригласил Аббат и захлопнул толстенный атлас. – Садись.

Охотник прошел, сел. Аббат откинулся на спинку кресла, окинул его оценивающим взглядом.

– Где-то в Испании застрял некий Амбруаз Бери, – тихо сказал он. – Со шхуной, дочерью и грузом. Вот все необходимые сведения. – Аббат протянул визитеру заранее приготовленный портфель с бумагами.

Охотник молча принял его.

– Лучшие места для поиска – три порта. Это Сантандер, Гийон и Коронья, – продолжил Аббат. – Скорее всего, мсье Бери задержан судом или инквизицией. Хотя мог просто заболеть. Или умереть.

Охотник молча слушал его.

– Если не найдешь, проверь порты Португалии.

Аббат задумался. Он доверял Охотнику, но некоторые детали дела его не касались. Поэтому следовало сформулировать задачу как можно лаконичней.

– Убить? – по-своему понял его молчание Охотник.

– Нет. – Аббат покачал головой. – Я такой задачи не ставлю. У мсье Беро есть то, что несет на себе мой личный знак.

Охотник молча наклонил голову. Он видел этот знак.

– И все, что несет этот знак, должно быть в Париже, у меня в руках. Вопросы есть?

Охотник на мгновение задумался и осведомился:

– Самого Амбруаза Беро вам привезти?

– Если он жив, да.

– А его шхуну?

Аббат хмыкнул. Он не знал, где Амбруаз это прячет, подо что оно замаскировано.

– Разберешься на месте. Если не найдешь знака, доставь мне сюда все, вплоть до последнего кружевного платка.

– Его дочь тоже доставить?

Аббат поморщился. Он понятия не имел, жив ли Амбруаз, а если нет, то сказал ли тот что-то своей дочери.

– Если не найдешь моего знака, привези мне все. Полномочия тебе предоставлены. Все нужные документы в портфеле. Не теряй времени. Это самое важное задание в твоей жизни.

Охотник сдержанно кивнул, поднялся и исчез за дверью так же быстро и бесшумно, как и всегда.

При второй закупке Адриану все шло в руки само. Спекулянты, уже примирившиеся с тем, что у главного интенданта появился новый любимчик, осаждали его контору с пяти утра и часов до двух ночи. А в полдень 17 августа все они вдруг исчезли.

Адриан встревожился, кинулся наводить справки и еще раз убедился в том, что информаторов надо иметь везде, в каждой коммуне, любом департаменте, какой угодно секции санкюлотов. Как оказалось, Лафайет только что был снят с командования. Многоопытные спекулянты, не говоря друг другу ни слова, кинулись по штабам. Они принялись убеждать ответственных персон в том, что их товар и дешевле, чем у жуликоватой семейки Матье, и лучше.

Понятно, что Адриан попытался сделать то же самое, но быстро убедился: без толку. Новый командующий французской армии Дюмурье первым делом поставил своих людей в штабах и на складах. Жан-Жака, по слухам, попытались отправить на гильотину, но до суда дело не дошло, видимо, откупился.

В этот момент Адриана и постиг первый серьезный кризис. Пытаясь сообразить, куда вкладывать немалые деньги, снятые на втором заказе, он кинулся листать биржевые сводки и понял, что не понимает ровным счетом ничего. Молодой человек просто никогда этим не занимался!

«А еще ведь и приданое будет!» – с ужасом подумал Адриан.

Теперь, чуток нюхнув пороха, он ясно понимал: большие деньги – это и серьезная головная боль. Приданным жены придется как-то управлять! Куда-то вкладывать! Приумножать! Он был совершенно не готов к решению этой задачи.

Адриан кинулся к отцу, но тот уже успел выпить за обедом пару бутылок и мирно посапывал в кресле, прижимая к груди третью, только начатую.

– Отец! – Молодой человек принялся толкать Аристиды. – Когда эта чертова Анжелика приезжает?!

Отец не без труда разодрал глаза.

– Они двадцатого июля с Мартиники отплыли. Две недели до Бордо. Считай сам.

Адриан прикинул и удивленно хмыкнул. Семья Беро должна была прибыть в Бордо 4 августа, а в Париж – еще через шесть дней, никак не позже.

– Слушай, папа, они должны были приехать неделю назад.

Старый Аристид нехотя поставил початую бутылку на стол и уселся поудобнее.

Он вздохнул, нахмурился, покачал головой и сказал:

– У Амбруаза на шхуне большой груз сахара. Наверное, что-то с таможенной не так.

Адриан решительно замотал головой. Недели ему вполне хватило, чтобы увидеть главное: чиновники не просто покупаются. Они жаждут, чтобы их купили.

– Брось, папа. Он откупился бы.

– Да, верно, – согласился отец и взял со стола кипу биржевых сводок. – Так, оптовые цены на сахар и ром не росли. Это значит, что ураганов не было.

Адриан, уже понимавший значение политических новостей, прикусил губу и спросил:

– А если они попали под арест как подозрительные личности?

Старый Аристид побледнел, но тут же отмахнулся и заявил:

– Фу, напугал отца. Какие списки подозрительных? Неделю назад и слова такого еще не было! Хотя...

Отец и сын переглянулись. Была еще одна категория богачей, не любимых ассамблеей: эмигранты. Прошло больше года с того времени, как начали выходить декреты, предписывающие всем эмигрантам вернуться во Францию немедленно, под страхом смерти. Ну, а с февраля их имущество во Франции стали попросту отнимать и, разумеется, присваивать.

– Не годится. – Адриан покачал головой. – Мартиника – территория Франции, они никуда не эмигрировали.

Отец язвительно усмехнулся.

– А ты уверен, что Амбруаз никуда с Мартиники не плавал? Например, в Луизиану? Вот тебе и формальный повод.

Он был прав. В нынешней Франции такое случалось. Стоило кому-то покинуть ее земли хотя бы на неделю, и любая секция коммуны могла начать к нему придираться. Где был? Что делал? Не участвовал ли в боевых действиях против родины в рамках Пильницкой декларации, подписанной Австрией и Пруссией? И попробуй доказать, что не участвовал.

– Этого мне еще не хватало, – убито проронил Адриан.

Ему бы сейчас работать, учиться вкладывать деньги. Перспективы были, он уже начал это чувствовать. Как раз сегодня, как сообщил стенографист, его первый информатор в ассамблее, вышел декрет о ликвидации больниц, принадлежавших монашеским орденам. Это означало, что огромное количество аптек с ртутью, сурьмой, а главное, опиумом, единственным обезболивающим средством, остались вообще без управления. Адриан понятия не имел, как торговать лекарствами. Он понимал главное: стоит влезть в аптечное дело сейчас, в самый разгар войны с Пруссией, и можно стать богатейшим коммерсантом Парижа!

«Деньги у меня есть, – мгновенно пронеслось в голове. – А конфискат уже сегодня будет оформлен. Несколько правильных взяток, и к утру все это будет мое, буквально за гроши».

Мешало одно: долг друга семьи и будущего мужа. Черт бы их всех побрал! Хочешь не хочешь, а ему надо было немедленно ехать в Бордо и выяснять, что там стряслось с этой Анжеликой Бери.

– Папа! – Он заискивающе заглянул в глаза отца. – А ты не мог бы на время взять мои деньги в работу? У меня такая сделка намечается! Жаль будет упустить.

Старый Аристид поджал губы и потянулся за бутылкой.

– Нет, сынок, не возьму. Устал я. Выдохся.

Положа руку на сердце, Адриан и сам это видел. Все то время, пока он прожигал отцовские деньги, тот работал с пяти утра до темноты. Каждый день. Любую минуту.

– Прости, папа.

Аристид вздохнул, вернул бутылку на место и проговорил:

– Знаешь, сынок, вот закончили они описывать наш дом, пришел я к нашему дворецкому в его мансарду, присел на койку у окна. – Голос отца дрогнул, а глаза блеснули слезами. – А там, за окном – голуби.

Аристид закрыл лицо сморщенными ладонями. Плечи его затряслись.

– Я ведь голубей лет двадцать не видел! – сквозь рыдания выдавил он. – Просто некогда было.

Адриан подошел и прижал седую голову к груди.

«И что бы тебе не найти кого-нибудь на Мартинике, Анжелика Бери! Вот ради чего тебя во Францию понесло?»

Главная мысль, терзавшая ум и сердце Анжелики всю дорогу до монастыря, была такой: ради чего отца понесло в эту чертову Францию? Он вполне мог подыскать ей мужа и на Мартинике. В конце концов, каждый молодой человек рано или поздно берется за ум, особенно если он женат и не бегает в рабочие бараки в поисках свободных черных девиц.

Нет, в монастырь ее отправили не сразу. Едва она успокоилась, французский священник добился от инквизиции ясного и недвусмысленного разъяснения ее положения в связи с вынесением приговора отцу. Анжелика слушала и не верила своим ушам. Инквизиторы забрали в пользу испанской церкви и короны все, чем владел отец.

– Так я теперь нищая? – спросила она.

Святые отцы молчали.

– Нет, вы объясните, – начала напирать Анжелика. – Я хоть чем-нибудь владею? Отец продал нашу плантацию и всех рабов. Где вырученные деньги?

– Все деньги в монете и ассигнациях конфискованы.

– Но я же наследница, – напомнила Анжелика, – у меня и приданое должно быть.

– Вы еще не вступили в наследование, – охотно пояснил юрист. – А приданое не было выделено из общего семейного имущества.

Анжелика взбеленилась.

– Но я же – часть семьи! – заорала она. – Это все и мое тоже!

– Вы не наследуете ничего. – Юрист развел руками. – Все имущество записано на вашего отца, а он приговорен как злостный еретик.

Анжелика глянула на француза, а тот лишь сокрушенно вздохнул и заявил:

– Таков закон. Жаловаться бесполезно.

«Господи! Кто ж меня теперь замуж возьмет?» – осознала Анжелика.

Самая последняя крестьянка хоть что-то приносила в дом: перину, подушки, горсть мелкого серебра.

«Через четыре года я выйду из монастыря в том, что на мне сейчас».

Анжелика оглядела себя. Дорожное, не самое лучшее платье, мягкие туфельки да чулки. Она уже представляла себе, каким чучелом будет выглядеть через четыре года.

Собственно, этим разъяснения и закончились. Ее не слишком церемонно сунули в карету, и второй рассвет на испанской земле она встречала во дворе монастыря Святой Мерседес, затерянного где-то в горах. Тело совершенно затекло и ныло, в глаза как насыпали песка, а главное, холод. Девушка совершенно продрогла. Солнце, едва взошедшее, не грело.

– Служба кончится, и тебя примут, – пояснила на плохой латыни сопровождающая, суровая тетка в годах.

Служба действительно вскоре завершилась. Из часовни прямо перед ней, мелко семеня, потекла вереница монашек в потертых, застиранных до полной потери цвета балахонах и платках, некогда белых, выглядывающих из-под капюшонов. Первые, увидев ее, оставались, следующие утыкались в их спины, поднимали глаза и так же безмолвно замирали. Лишь когда из храма вышла аббатиса и крикнула что-то на испанском, все изменилось.

– Послушница, – пояснила сопровождающая. – До совершеннолетия.

Аббатиса протянула руку, приняла конверт с документами и жестом приказала девушке следовать за ней. Анжелика, оглядываясь по сторонам, двинулась вслед, а через полсотни шагов уловила этот запах. Именно так – прелой переваренной крупой и прогорклым салом – пахла кухня у них на плантации. Там готовилась еда для рабов.

И вот тогда она испугалась.

Падре Хуан спал плохо и встал рано. Он умылся, перекусил и лишь тогда вспомнил, что так и не посмотрел на ассигнации, отобранные у еретика, ныне уже покойного.

– Прости меня, Господи!

Собственно, деньги в опись почти никогда не входили. Еретики, за исключением самых бедных, редко помнили в точности, сколько у них было наличных денег. Да и сражаться за такую мелочь не было особого смысла. Еретики дрались за другое. Они хотели угодить на костер не живыми, а после предварительного удушения.

«Ох, еще аутодафе!»

Тело Амбруаза Бери следовало сжечь, а падре Хуан терпеть не мог этого запаха. Он так и не привык к нему за все тридцать лет службы.

Тяжко вздыхая, инквизитор открыл свой портфель, в который обычно совал все, что попадало к нему в руки, минуя опись, вытащил кипу французских ассигнаций и опешил.

– Матерь Божья!

Такого количества нулей он еще не видел.

– Господи!

Падре Хуан судорожно перебрал то, что принес в дом, и ноги его подкосились. Он слишком спешил, когда совал все это в портфель перед началом описи. А теперь оказалось, что наличные деньги и ценные бумаги Амбруаза Бери стоили раз в триста больше, чем весь сахар, конфискованный у него.

Инквизитор зажмурился. Никто не возражал против мелких промахов следствия. За пару песо, припрятанных от описи, места никого не лишали. Но это был другой случай. Падре Хуана можно было смело обвинять в беспрецедентно крупном похищении конфиската у церкви и короны. За такое сжигали без церемоний.

Инквизитора замутило, в горле застрял ком. Слишком уж много было свидетелей. Отец Жан прекрасно слышал и вопрос Анжелики Бери о деньгах, вырученных за проданную плантацию и рабов, и его, падре Хуана, ответ, что все конфисковано. Случись Анжелике Бери нанять юриста, призвать в свидетели французского священника, потребовать опись, и выявится главное: хищение.

Падре Хуан застонал. У чертовой француженки не было ни единого шанса на оправдание отца. Человек, сожженный на костре, оставался еретиком навсегда. Не было у нее и возможностей вернуть себе имущество, утаенное следователем и не вошедшее в опись. Но вот отомстить она могла. Святая церковь не любила, когда у нее воруют.

Трясущимися руками падре Хуан запихал мятую кипу ассигнаций обратно в портфель и принялся судорожно искать варианты. Переделать опись невозможно. Приемщик был новенький, а потому боялся собственной тени. Такой донесет, не колеблясь ни минуты.

Господи!..

Поставить под сомнение последнюю волю Амбруаза Бери, вытащить Анжелику из монастыря и создать для нее отдельное дело также не представлялось возможным. Отец Жан уже показал себя человеком упертым и не дружественным следствию.

Надеяться, что пронесет? Что Анжелика не станет никуда и никогда жаловаться? Инквизитор застонал от ненависти. Через его руки прошло множество самых разных людей. В том, что Анжелика Бери жаловаться будет, он даже не сомневался.

Проблему следовало решать на корню. Чем быстрее, тем лучше.

Первым делом Мария-Анна сочла своим долгом навестить семью Матье. Она понимала, что денег у нее могут и не взять, но ведь душевная поддержка никому еще не мешала. Оказалось, что у Матье отличный новый дом в предместье Сен-Антуан. Старый Аристид, ничуть не расстроенный банкротством, целыми днями играет со своим дворецким в кости да попивает хорошее вино.

– А что подельывает Адриан? – поинтересовалась Мария-Анна.

Она чувствовала себя обманутой. Матье, разоренные до основания, жили куда богаче, чем она, совладелица Ост-Индской компании.

– В Бордо поехал, – ответил старый мошенник и усмехнулся. – Невесту встречать.

Мария-Анна невольно покачала головой. Париж кипел событиями, работал, сражался, терпел, а кто-то мог себе позволить роскошь бросить все дела и выехать в Бордо, просто чтобы встретить невесту.

Она слабо помнила Анжелику. Ей врезалось в память, что девочка, приехавшая с Мартиники в зимний ледяной Париж 1786 года, мгновенно простыла, много капризничала и спорила со старшими, чаще всего совершенно неуместно. Хуже того, она мгновенно сдружилась с тринадцатилетней Терезией Кабаррюс, только что привезенной из Мадрида отцом, но уже пользовавшейся весьма дурной репутацией.

В каком бы доме ни встречались эти девицы, они мгновенно устраивали сомнительные игрища. Вполне зрелая Терезия подавала надежды женатым мужчинам и увлекала их в свободную туалетную комнату. Анжелика, составлявшая ей пару в этой игре, обескураживала кавалеров, разгоряченных ласками Терезии, своим появлением в самый острый момент и с показной детской непосредственностью. Это их почему-то ужасно веселило.

Сегодня Терезия была замужем за маркизом де Фонтене, успела родить сына, но ни на день не прекращала вести себя свободно до неприличия. А вскоре Адриан привезет в Париж и Анжелику. Во что выльется встреча двух отчаянных подружек, вышедших за нелюбимых мужчин, Мария-Анна не представляла.

«Впрочем, и я не в лучшем положении». – Мария-Анна вспомнила обстоятельства своего замужества и попрощалась со старым Аристом.

У нее хватало своих забот.

После разговора с мужем и отцом она успокоиться уже не могла, начала следить за светскими сплетнями и политическими новостями. Мадам Лавуазье все лучше понимала, что семья в большой беде.

Как только короля отрешили от власти и посадили в тюрьму, пожаловаться на произвол стало попросту некому. Появился какой-то конвент, чрезвычайная комиссия, масса комитетов, бездна коммун. У всех них были какие-то невообразимо огромные полномочия, и никто не собирался следовать здравому смыслу!

Повсюду составляли списки подозрительных, священников заставили присягать на верность свободе и равенству, ввели обязательное употребление слова «гражданин». Уголь и дрова все дорожали, в табаке появилась всякая солома, а поля на половине Франции остались незасеянными.

С уходом ее мужа производство пороха в арсенале сразу же упало в полтора раза. Там уже делали не порох, а деньги! Пороха становилось все меньше, а бумажных денег – все больше.

А война приближалась. Войска герцога Брауншвейгского победили французов у Вердена, взяли Лонгви. Мария-Анна прекрасно понимала, что рано или поздно встанет вопрос, а кто же во всем виновен. Именно так: «во всем». Она точно знала, что виновными окажутся не родственники бесчисленных маратов и дантонов, делавшие деньги вместо пороха. Отве-

чать за все придется людям, имущество которых еще не конфисковано и не поделено, таким, как она.

Раз в неделю, иногда чаще Аббат вытаскивал из железного ящика огромный лист бумаги, в развернутом виде свисающий по обеим сторонам стола и расчерченный на клетки. Он вглядывался в свою схему и начинал ставить кресты там, где все удалось. Порой Аббат ошибался, и клетки подолгу оставались пустыми, но в целом все двигалось ровно так, как и было надо.

По большому счету, все депутаты из Марсея, Нанта, Лиона, Авиньона или Бордо делились на две крупные группировки: буржуа и «бешеных». Буржуа имели деньги, связи, интересы, а главное, они понимали, что такое власть на самом деле. У них не было иллюзий, а только сплошные обязательства. Спутанные десятками партнерских связей, зависящие от каждого скачка цен, сцепившиеся намертво со своими вечными конкурентами, обязанные ответить перед конкретными, часто опасными людьми за каждое предвыборное обещание, депутаты-буржуа буквально задыхались от дефицита места для маневра.

Зато его было вдоволь у «бешеных». Небогатые, но претенциозные выпускники церковных лицеев не были должны никому. Их выбирали простые люди, ничего не знающие ни о таможенных сборах, ни о котировках, просто под обещание счастья и достатка для всех. По сути, эти полномочия были абсолютными.

Аббат улыбнулся. Буржуа и «бешеные» принимались друг к дружке буквально пару дней. Для первых слишком уж очевидна была полезность парламентской нищеты. Руками «бешеных» буржуа проводили акты, позволяющие топить как врагов, так и надоевших друзей, а самим оставаться чистыми. Каждый «бешеный», хоть взглядом, хоть жестом показавший лояльность, немедленно прикупался и прикармливался. Ворам нужны были простофили.

«Но простофилям-то нужно равенство», – подумал Аббат, усмехнулся и поставил крест еще в одной клетке.

24 августа 1792 года коммуна постановила, что каждый человек, отказавшийся регистрироваться в своей секции, попадет в списки так называемых плохих граждан. Это была огромная победа, потому что уже теперь секции формировали армию и влияли на масштаб арестов. Каждый буржуа, вошедший в такую секцию рядовым членом, оказывался в меньшинстве, а любой не вошедший заносился в списки как плохой гражданин.

Никто не видел всей игры целиком. Ее вел Аббат, стоящий на самой вершине и никому не заметный снизу.

Адриан спешил. Чтобы передвигаться быстрее, он нанимал исключительно легкие открытые двуколки, ехал круглые сутки, а потому успевал быстрее парламентских курьеров. Само собой, в каждом более или менее крупном городке молодой человек довольно легко и быстро увеличивал свой капитал.

Он уверенно входил к настоятелю очередного провинциального монастыря и бросал на стол парижскую газету с декретом ассамблеи о ликвидации школ и больниц, принадлежащих духовным орденам.

– Читали? – осведомлялся молодой человек.

Настоятель впивался глазами в броский заголовок, бледнел и спрашивал:

– Но как же людям жить без больницы?

Поверить в то, что можно вот так вот, одним махом лишить монастыри больниц, а людей – медицинского обслуживания, было сложно.

– Дело решенное, – говорил чистую правду Адриан. – В Париже конфискации провели за пару часов.

Настоятель впадал в ступор и принимался судорожно соображать, что можно спрятать. Надо сказать, что особых вариантов тут не было. Зданий, коек и ванн в портфель не засунешь.

– Аптека! – подсказывал Адриан. – В первую очередь комиссаров интересует именно она. Опий, сурьма, ртуть, особенно оптовые запасы.

Он уже знал, что монастырские больницы и являются крупнейшими оптовиками.

– Господи! – Настоятель подымал глаза в потолок. – Боже милостивый, сделай что-нибудь!

Тогда Адриан предлагал свои услуги, нотариуса и цены. Все продавалось мгновенно. Церковники уже понимали, что коммунары с декретами не шутят. Если они что отнимают, то делают это решительно, вплоть до привлечения войск.

Спустя полчаса Адриан въезжал в центр города и находил самого амбициозного местного буржуа.

Он не мешкая показывал ему купчую на все монастырские запасы и любопытствовал:

– Вы хотите диктовать оптовые цены аптекам?

Буржуа, как правило, хотели и готовы были крупно переплатить. Но Адриан не показывал им парижские газеты. Он просто брал деньги, ставил подпись, передавал имущество и пропадал из виду в пыли, поднятой двуколкой.

Когда он достиг последнего перед Бордо городка, его личное состояние увеличилось в четырнадцать раз. Здесь Адриана, теряющего время на каждой остановке, и настигла власть в лице парламентского комиссара. Разразился грандиозный скандал. Однако довольно быстро выяснилось, что вменить молодому человеку нечего. Главная проблема состояла в том, что никто толком не знал, когда закон вступает в силу: в момент принятия в Париже или после доставки официальной депеши на место.

Впрочем, Адриану помогли и покупатели. Это были, как правило, сильные, уважаемые в своих городах персоны, совершенно не заинтересованные в том, чтобы сделка была признана недействительной.

Понятно, что в Бордо, вроде как самом сладком месте, Адриан этим уже не занимался. Ему надо было искать семью Бери.

Вообще, город Бордо, столица многократно переименованной провинции Жиронда, Адриана потряс. Порт с десятками судов, стоящих под разгрузкой, расставил в его голове все точки над «i». Ром, сахар, пряности, серебро – все сокровища мира стекались в эти доки. Адриан наглядно видел, почему партия жирондистов является самой мощной и в ассамблее, и в конвенте. Эти люди могли купить многих.

Адриан кинулся в таможню, поймал за рукав мелкого чиновника и сунул тому денег. Спустя полчаса ему выдали исчерпывающие данные по всем кораблям, заходившим в порт в течение трех последних недель. Он добавил ассигнаций, и еще через полчаса ему принесли список пассажиров, прибывших в Бордо. Семейства Бери в нем не значилось. Адриан добавил еще и получил такую исчерпывающую консультацию по морскому и торговому делу, что голова у него пошла кругом.

Но всерьез ему помог лишь один чиновник, поднявшийся из корабельных подмастерьев.

– Я знаю эту шхуну, – уверенно заявил он. – Она еле на плаву держалась. Вода сочилась из всех щелей.

– Утонуть могла? – встревожился Адриан.

– Вряд ли. – Бывший корабельный подмастерье покачал головой. – Эта шхуна, знаете, как больные бывают. Они и не ходят, и мочатся под себя, а все небо копят и пять лет, и десять. Поищите ее в Коронье. Если шхуна шла с Мартиники, то застряла она, скорее всего, именно там.

Буквально через полчаса Адриан поднялся на борт одного из самых быстроходных кораблей, стоявших в порту. Деньги, как и всегда, решили все.

Монастырь, спрятанный в горах и окруженный высоченной стеной, оказался маленьким и бедным. Воды вдоволь, но вся родниковая, нестерпимо холодная. Огород внутри стен. За них монашки попадали нечасто – несколько раз в году, когда приходила пора заготовок на зиму.

Но более всего Анжелику поразило другое. Здесь не было ничего такого, о чем вполголоса, на ухо рассказывали сплетницы на Мартинике. В монастыре никого не секли. Тут не было кликушествовавших душевнобольных, годами сидящих на цепях, женских любовных пар, многочасовых изощренных наказаний. Ее окружали совершенно нормальные люди!

С другой стороны, было и то, что сразу стало вызывать содрогание в душе девушки. Никаких келий на одну-двух сестер, только четыре общие спальни на двадцать мест каждая. У них на Мартинике так жили только холостые рабы.

Ну и работа!.. В первый день она еле доползла до койки, точнее, до соломенного матраса, уложенного на доски. Лишь на третьи сутки ей хватило сил посчитать часы и увидеть, что рабы у них на плантации отдыхали на полтора часа больше.

– Ты не монашка, Анжелика Бери, – на неважном французском языке сказала ей аббатиса в первый же день. – Ты не обязана делать все так же, как мы. У тебя есть выбор.

Анжелика крепко задумалась. Она не знала, что выбрать. На Мартинике она была редкой красавицей для всех мужчин округа, желанной партией для белых молодых людей, абсолютной госпожой для двух сотен разновозрастных черных, единственной дочерью и наследницей. Девушка ни дня не чувствовала себя такой, как все. У нее просто не было для этого причин. Здесь Анжелика тоже не являлась такой, как все. Эти женщины были монахинями пожизненно, а она стала послушницей всего на четыре года. Вот это и было главным различием. «Всего» – это для них. Для нее четыре года были нестерпимо, невозможно, невысказанно огромным сроком.

– Как все, – приняла решение Анжелика.

Она понятия не имела, насколько серьезны намерения семьи Матье породниться с Беро. Адриана она запомнила заносчивым подростком. Судя по отдельным фразам в письмах их отцов, он и сейчас делал только то, что хотел. Она понятия не имела, нужна ли ему эта женитьба настолько, чтобы обеспокоиться, найти ее и вытащить отсюда. Да и как он это сделает? Поэтому делать то же, что и все, было для нее единственным способом увидеть монастырь целиком, как он есть. Если ей не удастся задуманное, то бежать при первом же удобном случае.

– У меня есть просьба, матушка. – Новая послушница смиренно склонила голову.

– Говори, – разрешила аббатиса.

Анжелика собралась с духом. Так масштабно она еще не вралась ни разу в жизни.

– Еще на Мартинике мой отец часто упоминал монастырь Святой Мерседес.

Аббатиса, конечно же, удивилась. Француз, живущий на острове Мартиника, знающий маленький, затерянный в горах испанский монастырь, – огромная редкость.

– Это известная обитель во Франции, – пояснила Анжелика. – Отец даже переводил туда деньги несколько раз.

Аббатиса задумчиво сдвинула брови. Она мгновенно поняла, куда клонит послушница.

Анжелика уже видела это, развела руками и проговорила:

– Отец Жан, слышавший последнюю волю отца, сказал все правильно. Просто речь шла не о вашем монастыре, а о французском.

Если честно, Анжелика понятия не имела, есть ли такой монастырь во Франции. Должен быть.

Аббатиса это тоже понимала. Она считала, что отец девушки перед смертью, скорее всего, говорил именно о французской святой Мерседес.

– Вот бумага. – Настоятельница протянула послушнице квадратный листок. – А вот перо. Пиши. Я передам твою просьбу о переводе в епископат.

Анжелика, едва сдерживая ликование, схватила перо. Бежать можно было и по пути, и на месте, уже во Франции. Она оставалась бесприданницей в любом случае, как сейчас, так и через четыре года. Девушка не собиралась терять это драгоценное время.

«Господи! – взмолилась она. – Пусть во Франции окажется такой монастырь!»

Падре Хуан держал руку на пульсе событий. Когда ему сообщили, что Анжелика Бери подала прошение о переводе, он тут же прибыл в секретариат епископата. Туда же чуть позже подъехал и отец Жан, приглашенный секретарем епископа.

– Да, – краснея, признал французский священник. – Речь могла идти и о французском монастыре. Исповедующийся не уточнил, а я передал ровно то, что услышал.

Падре Хуан оценил ситуацию, воспользовался тем, что его уже опросили, и метнулся в архив.

– Так что, нашел? – дружески поинтересовался он у архивариуса, хромого и горбатого монаха с огромным опытом и совершенно феерическими познаниями.

– Есть в списках такой монастырь, – сказал архивариус. – Но я сомневаюсь в том, что он еще действует. Вы же знаете, святой отец, во Франции монашеские обеты отменены еще два года назад. Помещения святых обителей давно принадлежат государству. Монахи-то еще есть, живут, служат, как и раньше, но...

Падре Хуан покачал головой и согласился:

– Твоя правда. Выйдет очередной декрет, и все они окажутся на улице, нищие и никому не нужные.

– То-то и оно, – печально проговорил архивариус, прищурился и спросил: – А у вас, святой отец, какой интерес к этой Анжелике Бери?

Падре Хуан врать не стал. Иногда лучше говорить чистую правду. Она доходчивей.

– Я ее отца на костер отправил. Улики были железные. А с девчонкой вышел конфликт. Ей-то я вменить ничего не могу, она чиста. Но эта особа начала жаловаться. – Голос падре Хуана дрогнул. – Мне, сам понимаешь, это ни к чему. Пусть катится в свою Францию. Тогда я вздохну спокойно! Знаешь, меня не волнует, окажется она во Франции на улице или нет! В конце концов, есть предсмертная воля ее отца, так что все претензии к нему. Не ко мне.

Архивариус закивал, соглашаясь с каждым его словом, и сказал:

– Да, пожалуй. Сейчас составлю выписку, отдам в секретариат, и пусть едет, куда отец ей повелел.

Падре Хуан тихо двинулся прочь. Весь тот немалый промежуток времени, в течение которого Анжелика Бери станет ехать по территории Испании, она будет беззащитна. Французских законов еще нет, а монастырь ее уже не опекает. В каждом городке на пути этой девчонки сидит свой отец-инквизитор.

«Главное, правильно объяснить ситуацию, – решил падре Хуан. – Надо и приплатить немного».

Провинциальные инквизиторы были бедны. Они даже мечтать не могли о тех доходах, какие получал он. Так что единственной препоной становился сопровождающий, которого ей назначат на время пути. Но ему тоже не было особого дела до этой особы. Лишь бы иметь бумагу о том, что он ее передал официальному лицу, а настоятелю или отцу-инквизитору – не суть важно.

Падре Хуан на мгновение представил, что Анжелика Бери уже нет, все ассигнации, не внесенные в опись, принадлежат ему, и сердце его зашлось. Благодаря этим деньгам он мог преодолеть массу препон и рывком войти в число первых людей города.

«Господи, помоги мне, если на то будет воля Твоя!»

Где-то к вечеру четвертого дня Анжелика почувствовала, что монашки ее приняли. Началось это на кухне, когда она, стараясь не содрогаться от омерзения, терла огромный котел, покрытый пригоревшей коркой.

– А какая она, Мартиника? – осторожно поинтересовалась Анна, единственная сестра, знавшая французский язык.

Анжелика бросила на нее короткий взгляд и ясно увидела, что ответа ждут все.

– Остров, – не отрываясь от работы, проронила она. – Чужих там никого нет, только мы и негры. Еще метисы.

Она не знала, в какую категорию отнести метисов. Дети черных женщин от белых отцов не работали на плантациях, были свободны, однако в общество их не принимали.

Монашка перевела услышанное, и по всей кухне пошел гул. Сестры обсуждали то, что узнали, уже на испанском.

– А как на Мартинике выходят замуж? Так же, как и у нас?

Анжелика улыбнулась. Она понятия не имела, как выходят замуж в Испании. Ее насмешило то обстоятельство, что этим вопросом интересуются женщины, принявшие обет безбрачия.

– Кто как. Мы, белые, – по-христиански, в церкви.

Анна тут же затараторила на испанском. Она переводила, а Анжелика почувствовала, что на ее глаза наворачиваются слезы. Она не могла спокойно думать о доме.

– У черных парень дарит матери девушки что-нибудь ценное, – стараясь не всхлипывать, продолжила послушница. – Нож, например.

Надзиратели отнимали у рабов ножи, неважно каких размеров. Поэтому именно такой подарок у черных считался лучшим для женщины.

Парни со всей округи знали, что Анжелика обеспечена буквально всем. Они приносили ей раковины – огромные, прекрасные.

– И все? – удивилась Анна.

– Да, – протянула Анжелика, не выдержала и разревелась.

К ней тут же кинулись сестры, начали утешать, вытирать слезы грубыми, пахнущими ветхостью подолами, хлопать по плечам, обнимать. Чем больше они ее утешали, тем безнадежней она рыдала.

– Я замуж должна была выходить, – выкладывала девушка все, что накипело у нее на душе. – В Париже. А меня загнали сюда! На четыре года.

Тогда уже захлюпали носами все монахини.

А тем же вечером, едва захлопнулась дверь спальни, сестры повскакивали со своих соломенных матрасов и обсели ее со всех сторон.

– Расскажи о метисах, – переводила Анна.

– Расскажи о небывалой любви.

– А какой он – твой жених?

Разумеется, она рассказывала все были и небылицы, какие только знала. О молочном метисе по имени Пьер, по которому сходила с ума дочка губернатора. По легенде, любовников настигли у самого моря, где их ждал пиратский корабль. Понимая, что не успевают, несчастные предпочли обратиться в камни.

Монашки рыдали.

Затем была страшная история о белом парне, изнасиловавшем дочку Большой Мамы. Парня, по преданию, превратили в пегого пса и отдали в услужение владельцам плантации, его собственным родителям, так и не узнавшим, куда делся сын. Они представления не имели о том, кого лупят за плохую службу.

Эта история вызвала живейший интерес сестер. У каждой из них была своя собственная быль, точь-в-точь похожая на эту. Менялись только основные персонажи: не в пса, а в свинью, не родителям, а мяснику, и не хозяйский сын, а племянник епископа.

Конечно же, дошла очередь и до нее самой.

– Я не знаю, какой он сейчас, мой жених. – Анжелика вздохнула. – Я его видела шесть лет назад. Блондин, серые глаза. Но вы же знаете, что светлые волосы с возрастом темнеют, а глаза тускнеют от вина.

Монашки притихли.

– Счастливая, – тихо произнесла Анна. – Тебя хоть кто-то в миру ждет.

Наутро Анжелика проснулась знаменитостью. Сестры шептались и кивали в ее сторону. Старшие монашки, спящие в другой комнате, недоуменно переглядывались, заинтересованно и уважительно посматривали на новую послушницу. Аббатисе даже понадобилось время на то, чтобы привести этот хаос в нечто стройное и загнать возбужденных дочерей на утреннюю молитву.

А в обед прибыл посыльный.

– Анжелика! – удивленно произнесла аббатиса, едва вскрыла конверт. – Твоя просьба удовлетворена. Ты едешь во Францию.

Шепоток, сопровождавший ее все это время, мгновенно смолк. Анжелика невольно обернулась и лишь теперь почувствовала весь ужас их положения. В глазах сестер стояло непередаваемое страдание.

Адриан увидел шхуну «Нимфа», стоящую буквально через два причала.

– Где экипаж? – спросил он первого же портового служащего, владеющего, как ему и положено, всеми языками мира.

– Разбежались, – заявил тот и махнул рукой. – Как только инквизиция взяла капитана, так они все и прыснули. Сам понимаешь, дураков нет.

Адриан охнул и спросил:

– А пассажиры?! Что с ними?!

– Не знаю никаких пассажиров, – мгновенно открестился служащий, понявший, что молодой человек спрашивает не просто так.

Адриан нанял экипаж и в считанные минуты был уже у здания инквизиции. Заходить туда ему не хотелось, сердечко екало. Но он сунул дурные предчувствия в то самое место, где им и положено быть, взлетел по лестнице, по-хозяйски толкнул дверь и, не слушая криков охранника с мушкетом, оторопевшего от такой наглости, ворвался в секретариат.

– Я ищу Амбруаза и Анжелику Бери, – с ходу выпалил молодой человек.

– Сейчас, – с ужасным произношением, но все-таки на французском отозвался секретарь и достал со стеллажа папку, открыл ее, ткнул в бумагу пальцем. – Амбруаз Бери. Приговорен.

Адриан глотнул и не без труда отпихнул охранника, уже начавшего его выпроваживать.

– К чему приговорен?

Но секретарю не хватало французских слов для объяснения. Он вздохнул, сказал охраннику что-то успокаивающее и жестом велел посетителю следовать за ним. Они долго шагали по темному длинному коридору, потом вышли на пустую площадку, залитую солнцем. В самой ее середине стоял обгоревший столб, снизу лежала старая зола.

– Амбруаз Беро. – Секретарь ткнул пальцем в эту кучку.

Адриан покачнулся и прислонился к стене. Только теперь он понял, что это за запах.

– А Анжелика?

– Монастырь, – коротко объяснил секретарь, вздохнул и, всем видом стараясь показать, что это важно, добавил: – Епiscop. Езжай к нему.

Адриан развернулся и помчался тем же темным коридором. На бегу он бросил охраннику извинение и спустя пятнадцать минут сидел в приемной зале епископата. Еще через полчаса едва ковыляющий маленький немолодой горбун принес папку с нужными документами.

Адриан начал с пристрастием допрашивать здешнего, уже епископского секретаря по всем пунктам:

– За что арестовали шхуну «Нимфа»?

– За нимфу, – эхом отозвался секретарь. – Амбруаз Беро осужден как совладелец судна, на котором открыто водружена языческая символика.

Адриан вытер взмокший лоб. Он видел эту фигуру над форштевнем.

– Обычная деревянная голая баба. У вас в Испании что, голых баб никогда не видели?

Секретарь, судя по его невозмутимому виду, постоянно сталкивающийся с подобными вопросами иностранцев, пожал плечами и заявил:

– Таков закон. Вы же не станете поить прохожих вином в мусульманской стране. Потому что вас покарают. А смущать честных католиков язычеством ничуть не более законно. Мы за это наказываем.

Адриан возмущенно пыхнул, но это была не его страна.

– Ну хорошо, а почему Анжелику Беро сунули в монастырь?

– Кто вам это сказал? – поинтересовался секретарь.

Адриан мгновенно оценил этот испытующий взгляд и понял, что если он скажет, то у секретаря инквизиции будут проблемы. Нет, он не считал нужным беречь людей, убивших его потенциального тестя, просто видел, что это ничего не решит. Здесь никто и ничего не собирался говорить ему о судьбе Анжелики.

– Странно. Об Амбруазе вы мне рассказали, а о Анжелике – не хотите?

– Не ищите заговоров, юноша. – Секретарь усмехнулся. – Приговор Амбруазу Беро – уже общественное достояние, он – наказанный преступник, а его дочь никем не осуждена. Она имеет право на мое молчание. Судьба этой девицы – ее личное дело. Не ваше.

– Я – ее жених.

– Докажите, – парировал секретарь.

Адриан заткнулся. Ему нечем было подтвердить устный договор их отцов, но кое-что внушало надежды. Да, Анжелика никем не осуждена. Он бросил еще один взгляд на секретаря, понял, что тот денег не возьмет, сдержанно поблагодарил и вышел.

«Вот еще беда на мою шею! Что бы тебе не выйти замуж на Мартинике, Анжелика?!»

Он помнил эти дикие забавы двух девчонок, Терезии Кабаррюс и Анжелики Беро. Не забыл потому, что Анжелика в конце концов осмелела и тоже решила попробовать силы. На нем! Адриан, тогда пятнадцатилетний, прекрасно запомнил и этот ее неумелый поцелуй, и Терезию, внезапно появившуюся с самым уличающим видом. Такие уж у них были игры.

«Вот дуры!» – Адриан фыркнул.

Он в те свои пятнадцать лет вовсе не был старым развратником, коих наивно, жестоко и совершенно по-детски разыгрывала Терезия, возможно, мстя за то, что случилось с ней в двенадцать. Он был другим, и ситуация сложилась иная. Это как-то разом поняли все трое. Им стало неловко, ему – до сих пор.

«Нет, Анжелика Беро, лучше бы нам идти своими путями, порознь», – подумал Адриан, вздохнул и двинулся по коридору.

С тех пор Терезия Кабаррюс обросла еще более дурной славой. «Скандальная хроника» с упоением сообщала, что госпожа де Фонтене радостно и легко отдается близким друзьям дома. Эта газетка обещала парижанам держать их в курсе малейших движений бедер прекрасной маркизы. Что ж, каждый заслуживает той славы, которую имеет.

Вот только Адриан давно уже не верил всему, что говорят. В тот вечер он ясно увидел, что Анжелика Бери, растерянно шмыгнувшая носом, совсем не та, какой казалась пять минут назад. И внезапно смутившаяся Терезия – не просто развратная девица. Он и себя увидел как-то иначе. Видимо, повзрослел.

– Мсье! – Кто-то дернул его за полу.

Адриан приостановился и посмотрел вниз. Это был тот самый немолодой горбун, который приносил бумаги. Он явно запыхался.

– Я еле догнал вас, мсье, – скрипуче, на хорошем французском языке произнес горбун. – Отойдемте.

Адриан подчинился и зашел вслед за этим уродливым монахом в первую же дверь. Это была кладовая.

– Я вижу, что вы не врете, мсье, – сообщил горбун.

«И на том спасибо», – подумал Адриан.

– Я перепроверил почту, мсье, и увидел, что совершил ошибку. Монастыря Святой Мерседес в Нижних Пиренеях больше не существует. Ваша невеста едет в никуда.

Адриан замер. Он еще не все понимал, но видел, что ему сообщали нечто по-настоящему важное.

– Она в опасности, мсье, – со вздохом продолжил горбун. – Там теперь правят санкюлоты. Вы понимаете, что это значит?

Адриан понимал. Анжелика, въехавшая на территорию Франции из соседней страны, а не с Мартиники, попадала в категорию эмигрантов. Первый же активист коммуны, попавшийся на ее пути, мог отправить девушку в трибунал, а значит, на гильотину. Здесь, в Испании, такое понимали еще не все, отсюда и ошибка, но в Париже это давно была жестокая реальность.

– А зачем вообще было отправлять ее во Францию? – с еле сдерживаемым негодованием поинтересовался Адриан.

– Такова последняя воля ее отца, – тихо произнес горбун. – Он пожелал, чтобы его дочь до совершеннолетия служила Господу в монастыре Святой Мерседес, находящемся в Нижних Пиренеях.

«Бред», – подумал молодой человек.

Дело было нечисто. Если верить отцу, брак Адриана и Анжелики был жестко предопределен. Амбруаз не стал бы переигрывать.

– Вот точный маршрут ее кареты. – Горбун сунул ему в руку мятую бумажку. – Прощайте.

– Постойте!

Монах приостановился.

Адриан на мгновение прикусил губу и спросил:

– А кто оплатил эту перевозку девушки во Францию? Ведь не епископат?

Адриан, уже поработавший с чиновниками, ясно понимал, что никто не станет оплачивать чужие частные дела. Это просто не предусмотрено в статьях расхода. А наем кареты до Франции обошелся бы епископату в кругленькую сумму.

– Отец Жан, – сказал горбун и пожал плечами. – Кто ж еще? Он – главный благодетель для всех французов, попавших в беду в Коронье.

Охотник прибыл в Коронью к вечеру. Он довольно быстро узнал об аресте капитана, а затем и об осуждении Амбруаза Бери, зашел в инквизицию и выяснил, что падре Хуана нет на месте, да и вообще в городе. Поэтому, едва наступила ночь, посланец Аббата аккуратно вскрыл кровлю и проник в склад приемщиков. Здесь обязано было ждать своей судьбы все имущество, конфискованное у Амбруаза Бери, сожженного за языческую ересь.

У Охотника были серьезные полномочия. В правящих кругах Короньи имелись люди, которые обеспечили бы ему все, что он запросит, вплоть до личной аудиенции у здешнего епископа. Да и тот, случись Охотнику его попросить, немедля пошел бы ему навстречу. В портфеле у посланника Аббата лежало кое-что, способное подстегнуть принятие любого необходимого решения. Просто через крышу было быстрее.

Работал Охотник споро и тихо. Он зажег и установил поудобнее обе лампы, принесенные с собой, оставил несколько сотен мешков подмокшего сахара на потом и принялся просматривать документацию, конфискованную, но пока еще не перемещенную в архив.

Часа за четыре Охотник проверил каждую бухгалтерскую книгу, все личные письма, библиотеку, одежду, дорожный скарб, но знака Аббата нигде не обнаружил. Оставался сахар. Он выдохнул, достал нож, начал вскрывать мешки и высыпать их содержимое на пол, внимательно глядя на желтую струю. Спустя еще четыре часа напряженной работы он убедился в том, что в сахаре тоже ничего не было спрятано.

Охотник окинул взглядом склад, потушил обе лампы и так же тихо и незаметно выбрался через крышу на зады склада. Вариантов осталось два. Первый: падре Хуан, приемщик или охрана утаили это от описи. Второй: Амбруаз Бери сумел передать дочери то, что искал посланец Аббата. Вероятность утаивания от описи была многократно выше. То, что инквизиторы воруют, он понял, едва просмотрел бухгалтерские книги еретика, сожженного святой инквизицией.

Охотник достал из мешка хорошую, дорогую сутану, вытащил из портфеля мадридские документы и через несколько минут на правах ревизора допрашивал приемщика, совсем еще молодого монашка.

– Нет, святой отец, – едва не заикаясь от ужаса, проблеял тот. – Я бы себе скорее руку отрубил! Как можно утаивать? Грех-то какой!..

– Давно работаешь? – так, для порядка спросил Охотник.

– Второй месяц, святой отец. – Мальчишка облизнул сухие губы.

Ситуация была самая обычная. Приемщик, толком не вошедший в работу, боялся всех и вся и действительно скорее отрубил бы себе руку.

– Может, охрана?

Приемщик замотал головой.

– Все документы были сразу упакованы в мешки, переносили их на моих глазах. Сахар тоже перегружали и перевозили при мне. Вы сами проверьте, там ни одного мешка не пропало! Все по счету!

Что ж, Охотник и сам уже убедился в том, что ни один мешок вскрыт не был. Их действительно оказалось ровно столько, сколько зафиксировано в описи.

– Может, падре Хуан?

Мальчишка побледнел. Отца-инквизитора он боялся.

– Я не знаю, святой отец, – беспомощно пробормотал он. – Падре Хуан рядом стоял.

«Да, мальчишка чист», – уверился Охотник.

Следующим и очень вероятным подозреваемым был падре Хуан. То, что он ворует, причем по-крупному, было ясно. Это давало основание применить экстраординарные методы допроса.

– Принесите мне бухгалтерские книги Амбруаза Бери, – приказал Охотник приемщику.

Тот вскочил, помчался исполнять распоряжение, буквально через пару минут с вытаращенными глазами прилетел обратно и завопил:

– Там были воры! Все мешки разрезаны! Все разбросано!

Охотник прищурился и спросил:

– А падре Хуана со вчерашнего вечера никто, значит, не видел, да? Книги принес?

Приемщик охнул, снова помчался на склад, вернулся, выложил на стол стопку книг и замер. Его трясло от подбородка до коленей.

– А падре Хуана так и нет, – как можно многозначительней проронил Охотник.

Его опыт говорил, что вряд ли инквизитор бежал. Скорее всего, сейчас он пытался куда-то пристроить немалые украденные деньги.

– Пригласи ко мне начальника охраны.

Приемщик опять умчался. Вскоре пришел начальник охраны, встревоженный многочисленными следами хищения, обнаруженными на складе.

Охотник дал ему ознакомиться с мадридскими документами и сразу перешел к делу.

– Я прошу вас присутствовать при допросе падре Хуана.

Брови начальника охраны поползли вверх.

– Допросе?!

– Да, именно так, – спокойно, сосредоточенно подтвердил Охотник и указал на место у окна. – Прошу вас стоять здесь и следить за выражением лица подозреваемого.

Офицер хватанул воздух ртом. Ему определенно было дурно.

– А в чем... что ему вменяют?

– Хищение конфиската, – спокойно ответил Охотник. – Размеры крупные. Вы, я думаю, понимаете, что это значит.

Начальник охраны судорожно закивал. К обеду, когда наконец-то появился падре Хуан, все было готово. Начальник охраны стоял у окна, двое его подчиненных – по сторонам от двери. Икающий приемщик, чтобы не свалиться, прислонился к стене. Падре Хуан по достоинству оценил обстановку. Это было видно.

– Думаю, вы понимаете, как важно для церкви ваше полное искреннее покаяние, – начал с главного Охотник, сидящий за его столом.

Инквизитор, все еще не веря в то, что это с ним случилось, растерянно кивнул.

Охотник поднял с пола бухгалтерскую книгу, с грохотом бросил ее на стол и заявил:

– Амбруз Бери продал плантацию, рабов и все запасы сахара и прибыл в порт Коронья чрезвычайно состоятельным человеком.

В кабинете повисла могильная тишина.

Охотник поднял брови и спросил:

– Скажите, святой отец, где ценности, утаенные вами от описи?

Инквизитор покачнулся, уставился куда-то в пустоту перед собой и принялся расстегивать портфель.

– Здесь.

Это было несколько необычно, и Охотник поинтересовался:

– Вы носили это с собой?

Инквизитор тряхнул головой и сказал:

– Я боялся оставить. – Он все еще был вне себя.

– Помогите святому отцу, – распорядился Охотник.

Приемщик и начальник охраны принялись вытаскивать из портфеля ассигнации и ценные бумаги. Охотник брал их, рассматривал и, не считая, складывал в стопку.

– Это все, – доложил офицер.

Охотник хмыкнул. Здесь не было нужного знака.

– Больше ничего нет? – глядя в глаза обвиняемому, строго спросил он.

– Нет, – словно эхо подтвердил инквизитор.

Охотник вздохнул и решительно сдвинул ассигнации в сторону. Они мешали ему положить руки на стол.

– Хочу еще раз напомнить, сколь важно ваше полное, искреннее покаяние.

Инквизитор это знал лучше многих. Раскаявшихся преступников сжигали после удушения, а нераскаявшихся – живьем.

– Вас не видели со вчерашнего вечера, – тихо проронил Охотник. – Этой ночью склад был вскрыт. Вещи Амбруаза Беро определенно кто-то перебирал. Это ведь вы были там минувшей ночью?

– Нет, – выдохнул инквизитор.

Охотник яростно ударил кулаками по столу.

– Не врите, Хуан! Вам есть что терять! Или вы хотите отправиться на костер живым?!

– Я сказал правду, – еле слышно отозвался инквизитор.

Охотник вскочил из-за стола.

– Тогда где вы были минувшей ночью?

Инквизитор всхлипнул.

– Я договаривался об осуждении Анжелики Беро за ересь. Я боялся... она могла пожаловаться.

Охотник заинтересовался.

– Вы пытались уничтожить христианку, не виновную ровно ни в чем?

– Да, – выдохнул тот.

Охотник замер. Вне сомнения, инквизитор сказал чистую правду. Значит, здесь, в Коронье, нет того, что он ищет. Охотнику была нужна Анжелика Беро.

– Где и с кем вы договорились?

– Граница с Астурией... – выдавил инквизитор. – Пост. Ей подбросят ведьмины снадобья, и там же ее арестуют.

Охотник задумался. Он знал, где искать Анжелику, но при этом понимал, что девушка напугана. Поэтому она может повести себя совсем не так, как думает падре Хуан. Анжелика могла исчезнуть из поля зрения в любой момент и в каком угодно месте.

– Вы ведь и Амбруаза Беро осудили незаконно, – печально проронил посланник Аббата.

– Нет!.. – Инквизитор замотал головой.

– Да, – отрезал Охотник. – Амбруаз действительно пайщик, но не основной. Приказ войти в испанский порт отдавал не он, а капитан. Но вы видели, что сахар стоит дороже, чем шхуна, поэтому капитан отделался штрафом, а Беро сожжен.

Инквизитор молчал.

Охотник покачал головой, повернулся к начальнику охраны и приказал:

– Выведите всех, офицер, и выйдите сами. Я буду говорить с каждым по отдельности.

Операцию следовало аккуратно закрыть, а с работниками инквизиции – заключить сделку. Они все понимали, что висят на волоске. Поэтому Охотник собирался связать каждого массой обязательств. В частности, эти люди будут доносить, едва кто-то заинтересуется семьей Беро.

– Я не хочу доводить тебя до суда, Хуан, – мягко проговорил он. – Да, ты многое потеряешь. Но это куда лучше, чем костер.

Аббат глянул на календарь, отметил, что Охотник уже должен добраться до Короньи, и погрузился в сводки. Главным текущим успехом стала «якобинизация» армии. Каждая секция коммуны сама формировала свой батальон, ставила командиров и снабжала солдат ору-

жием. По сути, этой армией управлял не конвент, а Аббат – через якобинцев. Все вообще шло как по нотам.

Некоторое напряжение возникло только на северо-западе страны, в Вандее, но это была ожидаемая реакция, поддержанная англичанами. Британия дала знать: будете пытаться отхватить кусок от Пруссии, мыотрежем от вас и Вандею, и Нижнюю Луару.

Аббат вздохнул. Нант, центр Нижней Луары, Бордо, столица Жиронды, Лион, Марсель, Тулон – все эти крупные города всегда были достаточно свободны от Парижа. Они имели собственный товар, порты и торговые артерии. При желании каждый из них мог отделиться от Франции и жить припеваючи. Этому мешал только общий интерес – колонии. Ром и сахар, табак и рабы, шелк и пряности, сера, селитра и соль приносили очень высокие доходы, но колонии подчинялись только Парижу. Города скрипели зубами, но терпели верховенство столицы.

Пожалуй, только Нант составлял исключение. Тамошние коммерсанты с самого начала держали под собой работоторговлю, без которой исчезло бы все: ром, сахар и табак. Так что Франция зависела от Парижа, тот – от Нанта.

«Да, войны с Нижней Луарой и Вандеей не избежать», – машинально отметил Аббат.

Впрочем, и эта война была частью его схемы. Поэтому и в Нанте все шло нормально, так, как и надо.

Как по нотам прошла отмена феодальных податей и повинностей. Буржуа ликовали. Теперь все те же самые налоги, пусть и названные иначе, должны были пойти через их людей в коммунах. Это были огромные деньги. Из них оплачивались государственные заказы. Все это попало в руки буржуа, сотрудничающих с коммунами.

Впрочем, отмена феодальных порядков принесла еще одно полезное обстоятельство. Сделки, совершенные по старым правилам, внезапно стали недействительными. Таких сделок во Франции было заключено великое множество. Поэтому вино, зерно, мясо – все, что крестьяне были обязаны поставить по феодальным законам, – повисло в воздухе. Лишь немногие знали механизм присвоения этого ничейного имущества.

Аббат улыбнулся. Буржуа не любили внезапной смены правил игры и понимали, что всегда будут в коммунах в меньшинстве. Они нервничали, но особого выбора у них не было. Ты участвуешь в переделе или тебя заносят в списки подозрительных.

Эти списки ширились. 27 августа в Париже даже прошли массовые обыски в квартирах подозрительных граждан. Искали оружие и доказательства подготовки к мятежу. Поражения на фронтах немало способствовали напряжению. Первые люди страны, такие как новый министр внутренних дел Дантон, лишь подстегивали психоз.

– Всей народной массой наброситься на неприятеля!

– Изо всех сил обороняться от домашних врагов!

– Немедленно арестовать всех подозрительных!

И начались аресты – сначала в Париже, а затем и везде. Буквально через пару дней после того, как списки подозрительных и арестованных целиком совпали, по Парижу поползли слухи. Люди говорили о масштабном заговоре арестованных аристократов и подпевал, только и ждущих, когда пруссаки двинутся на Париж, чтобы восстать, выйти из тюрем и соединиться с внешним врагом.

Аббат глянул на календарь. Разумеется, дело было не столько в арестованных и ждущих суда аристократах, сколько в «ничейном» крестьянском зерне из сделок, повисших в воздухе после запрета феодальных пережитков.

«Да, второе сентября – правильное время».

Срок обильной жатвы уже наступил. Единственным жнецом, видимым народу, должен был стать Дантон.

Мария-Анна сама вскрыла конверт, пришедший на ее имя, и лишь поэтому успела прочесть весь список таких же, как она, акционеров французской Ост-Индской компании. Самой знакомой персоной в этом перечне была девятнадцатилетняя Терезия Кабаррюс, и говорить с ней мадам Лавуазье очень не хотелось!

– Твой отец будет недоволен, – сказал муж, увидев, что конверт открыт, и покачал головой.

– Я должна понимать, во что вы меня впутали, – отрезала Мария-Анна.

Антуан лишь развел руками.

– Как знаешь.

Тем же вечером Мария-Анна появилась в салоне новой парижской звезды – Манон Ролан. Терезия Кабаррюс, разумеется, была здесь, но стояла в сторонке, и Мария-Анна сразу направилась к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.